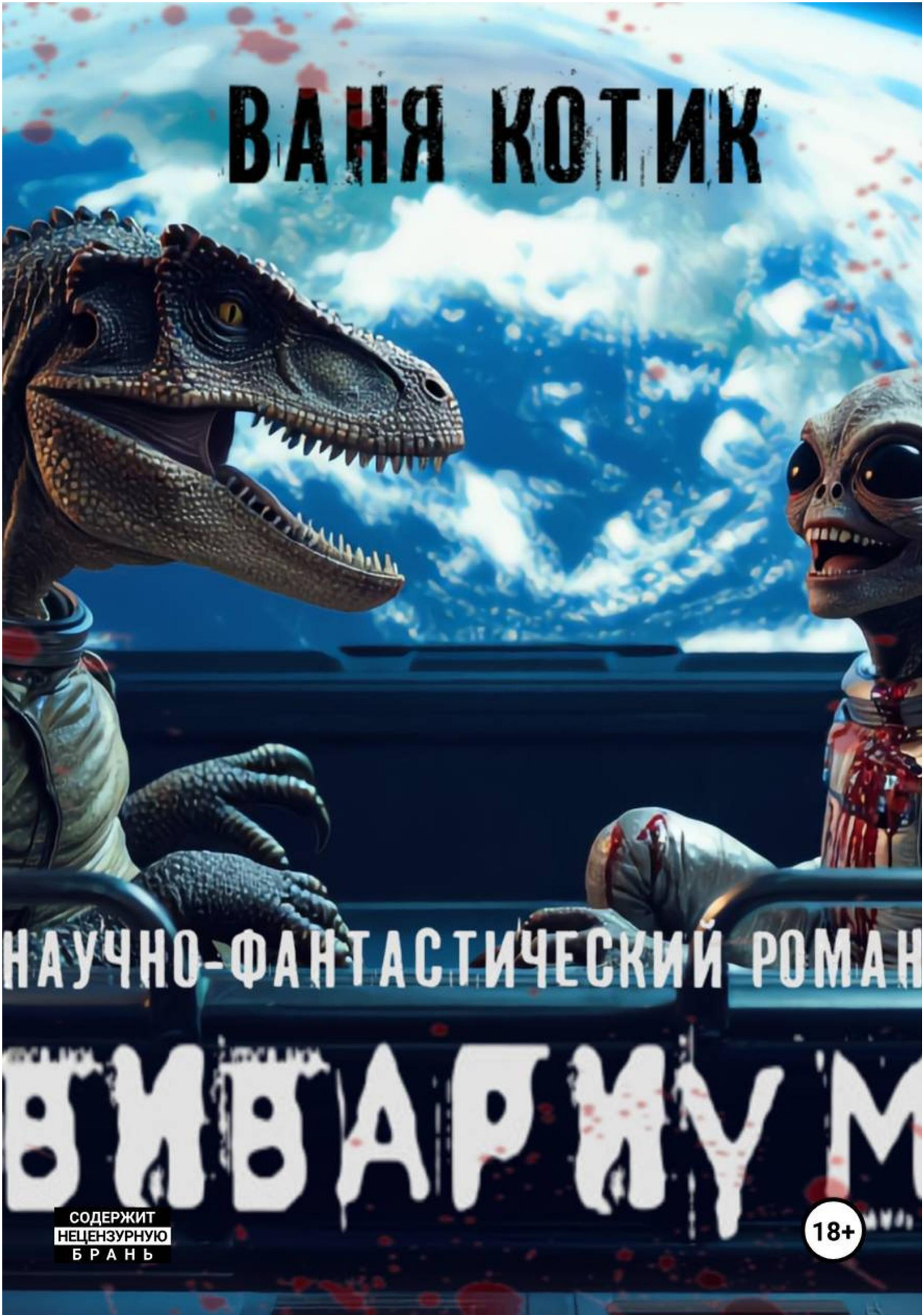
ВАНЯ КОТИК



НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

ВИВАРИУМ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Ваня Котик

Вивариум. Планета Земля.

«Автор»
2026

Котик В.

Вивариум. Планета Земля. / В. Котик — «Автор», 2026

Выйти январским утром из своей уютной питерской квартиры, спеша на работу, и вдруг очнуться на полу энергетической клетки в инопланетной тюрьме колоссальных размеров среди сотен других пленников, застывших в безмолвном ожидании не самый лучший сценарий для начала года.Андрею не повезло. За гигантским иллюминатором безмолвно горит далёкое Солнце, и крошечной точкой несётся в пространстве родная планета Земля. Где-то там потерялась вся его прошлая жизнь, мечты и ничтожные планы. Не продавать ему больше смартфоны в «Норде», и жирную новогоднюю премию он уже точно не получит.Что делать, если твой привычный мир рухнул за одну секунду? Этого места не должно существовать. Законы физики здесь извращены в угоду неземным технологиям. Тут люди — не венец творения, а безликая валюта в чужой, пугающей игре.В глубинах технологического ада уже просыпаются хозяева банкета. Выжить — почти невыполнимая миссия. Разум кричит о безысходности, и лишь инстинкты заставляют цепляться за жизнь...

© Котик В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Неопределённость. 5
Глава 2 12
Экспресс-клининг. 12
Глава 3 23
Транзитные грузоперевозки. 23
Глава 4 33
Братья по разуму. 33
Глава 5 41
Химия и удача. 41
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Ваня Котик
Вивариум. Планета Земля.

Глава 1

Неопределённость.

Андрей сделал ещё пару шагов. Нет, в этом точно не было никакого смысла. Остановился.

Закрыв глаза, он медленно сосчитал до десяти. Сделал глубокий вдох, выдохнул. Открыл глаза — не помогло! Ничего не изменилось. Он не проснулся в своей тёплой постели. Не пришёл в себя на койке реанимационной палаты под звонкие трели аппаратуры. Мелькнувшая было надежда, что всё это сон, что он в кошмарном бреду и что морок вот-вот рассеется, разбилась вдребезги.

Андрей негромко выругался и от бессилия до боли сжал кулаки.

Он отчаянно пытался взять себя в руки. Нужно было срочно собраться, успокоиться и что-то предпринять. Сделать это было непросто. Этот чёртов свет! Он бил по глазам. Тишина казалась абсолютной, обволакивала плотной непроницаемой пеленой. В ушах шумело, голова весила целую тонну и давила на шею и плечи, сознание путалось.

— Давай! Думай уже! Где там твоя хвалёная предприимчивость? — Силясь нащупать хоть какой-то план, он по второму кругу лихорадочно шарил по карманам.

Разум кричал о полной нереальности и, кажется, фатальной безысходности происходящего, но инстинкты заставляли цепляться за любую соломинку, лишь бы не дать панике сожрать себя окончательно.

Нет, чуда опять не случилось. Всё тот же унылый набор бесполезных сейчас предметов. Мёртвый кирпич телефона всё так же не реагировал, как бы упорно Андрей ни жал на кнопку включения. Пара кредиток и ключи от квартиры.

— Точно! Плеер! — вскрикнул он вслух и решительно рванул замок куртки.

Когда он вообще в последний раз им пользовался? Крошечная пластиковая коробка была напрочь забыта во внутреннем кармане пуховика еще прошлой зимой, когда потерялись наушники, а слушать музыку через хриплый встроенный динамик было сомнительным удовольствием. С трудом он всё же нащупал угловатый корпус. Достал, зажал кнопку. Мучительная секунда — и тусклый дисплей вспыхнул угловатой приветственной надписью «HELLO».

Работает! Проверил карту памяти — на месте.

— Что ж, уже неплохо, — парень удовлетворённо хмыкнул.

Большая удача, что этот несчастный девайс был выключен и батарея сохранила полный заряд.

— И что дальше? — он смотрел на плеер.

Гаджет не отвечал. Лишь подмигивал ярким дисплеем, пока Андрей прокручивал куцое меню управления. Нервные пальцы снова и снова скакали по клавишам. Что же с ним делать? Как применить? Карта памяти девственно пуста, радиоприемника, конечно же, нет, а о передаче сигнала этой ноунейм-мыльницей не стоило и мечтать. Оставалась одна функция. Запись.

— Ладно, — парень пожал плечами.

Вдавил кнопку записи. Секунду молчал. Глубокий вдох и он заговорил.

— Раз, раз, раз-два-раз, проверка… — он прервался, остановил устройство.

На экране появился короткий пятисекундный файл. Со второй попытки — от волнения рукам было непросто справиться с крошечными кнопками — нажал на «play». Гаджет одобри-

тельно пискнул, и его монолог нарушил вязкую тишину. Голос изрядно дрожал и звучал жалко, но звук из маленького встроенного динамика успокаивал. Речь оставалась связной, диктофон исправно записывал. Сейчас это главное. Андрей снова включил запись и продолжил говорить.

— Скажу честно, я тут малость потерялся… то ли в бреду, то ли в пространстве… Я вообще не понимаю, где нахожусь и как долго...

Он с отчаянным усилием старался сконцентрироваться. Но мысли упрямо и хаотично разбегались в разные стороны, словно тараканы в грязном притоне от внезапно зажжённого света.

— Сейчас… Сейчас расскажу. Сам поймёшь, в чём тут дело… Собраться… Мне просто нужно немного собраться… Меня зовут Андрей. Мне двадцать пять лет. Я из Питера…

Андрей перевёл дыхание. Его декламация больше походила на неуверенное, сбивчивое бормотание, но она определённо приносила ментальное облегчение. В голове чуть прояснилось. Хаотичный хоровод спутанных мыслей, гремевший в висках невыносимым грохотом гружёных вагонов по чугунным рельсам, наконец умерил свой тяжёлый бег.

Он снова заговорил:

— Не знаю… Это шутка воспалённого сознания? Как такое вообще возможно?!

Андрей замолчал. Огляделся. Вытянул руку, поводил ей из стороны в сторону. Снова беззвучно выругался и продолжил:

— Если кто-нибудь услышит эту запись… Пустые надежды... Неважно. Похоже, говорить с этим куском дешёвой пластмассы — единственное, что мне осталось. Думаю, я должен как-то это всё документировать... И честно: если я просижу в этой проклятой тишине ещё хоть минуту, то точно сойду с ума.

Андрей щёлкнул несколько раз пальцами, стараясь не терять концентрацию.

— В общем, это происходит со мной на самом деле. Я расскажу, насколько смогу точно, что произошло, и опишу это странное место.

Он взглянул на диктофон. Приборчик одобрительно молчал, подбадривал яркими красками экрана и явно с нетерпением ожидал продолжения.

— Итак, начну с начала. Третьего января 2025 года, в районе девяти утра, я вышел из своего дома по адресу: город Санкт-Петербург, улица Асафьева, дом 5, первый корпус. Дворами двинулся в сторону станции метро «Проспект Просвещения».

Андрей прикрыл глаза. Какое-то время молчал. Потом продолжил.

— Работаю я там, в «Норде» на Просвете… В магазине электроники старшим продавцом… Ну, или работал…

Выуживать из памяти последние воспоминания было не просто. Окружавший его белый морок проникал в самый мозг и шарил там своей поганой рукой, не давая сосредоточить внимание.

— Вышел из квартиры. Площадка, жду лифт. Лампу над ним хорошо бы поменять — мигает, пока ещё редко. Ещё месяц-другой, и будет тут как стробоскоп на дискотеке. Отличная локация для сцены из фильма ужасов получится. Двери кабины открываются, внутри никого, хорошо. Быстро спустился на первый. Парадная. Тяжёлая дверь хлопнула следом. Я со стороны двора — нужно выбросить мусор. Готово.

Андрей говорил, не открывая глаз. Размытые воспоминания обретали форму. Монолог набирал темп.

— Двигаюсь дальше. Подхожу к забору. Вот и калитка на выходе. «Пик» — пищит кнопка домофона на её раме. Миссия выполнена, покинул придомовую территорию. Доводчик плавно тащит железо назад, слышу негромкий пронзительный скрип петель, сомкнувшись лязгнули магниты замка.

Андрей размеренно покачал головой, глубже погружаясь в воспоминания.

— «Здравствуйте, Марина Александровна!» — «Здравствуй, Андрюша». Навстречу попалась наша дневная вахтёрша, обменялись любезностями. Я у пешеходного перехода, смотрю влево, вправо — никого. Шагаю через дорогу по Асафьева...

Веки Андрея слабо дрожали, будто он с усилием пытался что-то разглядеть.

— Потом? Нет… Как отрезало. Дальше ничего не помню… Пустота...

Он замер. От потуги пробить возникший в памяти блок на лбу прорезалась глубокая складка.

— В себя пришёл минут тридцать назад… Или час? Или два? Не знаю... Мне тут вообще никак не сориентироваться. Наручных часов не ношу… Телефон сел или сломан…

Он открыл глаза.

— Из вещей по карманам при себе смартфон. То ли сломался, то ли батарея в ноль. Что странно, потому что точно помню — он был полностью заряжен, когда я уходил на работу. Кажется, от него пахнет палёной пластмассой... Ещё ключи от квартиры, пара банковских карт и вот этот плеер-диктофон.

Андрей замолчал, на мгновение холодное отчаяние и липкий страх неизвестности снова завладели им, сдавили горло. Он откашлялся, сделал над собой усилие и продолжил:

– Это место… Оно как какая-то пыточная камера. Полная сенсорной депривации. Оно давит на меня, на моё сознание. Меня как будто приложили пыльным мешком. С мукой. Килограмм на пятьдесят.

Андрей поднял руки к голове и некоторое время указательными пальцами сильно, до боли, массировал виски, зажмурив глаза. Сердце колотилось в груди рваными, тяжёлыми толчками. Глубоко вздохнув, он заставил себя открыть глаза.

– Так. О чём это я? Ах да… В общем, на мне моя привычная одежда. Та самая, в которой я был в день, который помню последним. Что же со мной случилось? Кто бы мне сказал… Всё было как обычно. Утро. Мерзкий электронный будильник трещит как не в себя — выключен. Кофе. Душ. Короткие сборы. Иду себе на работу, никого не трогаю, никому не мешаю.

Перехожу дорогу. А дальше? Не заметил случайный БелАЗ и теперь я на том свете, жду своей очереди в чистилище? Внезапная молния прошила утренний январский небосвод, и теперь я, источая запах свежего барбекю, лежу в лёгкой коме под капельницей в ожоговом отделении какого-нибудь НИИ? В январе вообще бывают молнии? Январские молнии? О да! Отличная идея, Андрюша, так держать.

Андрей нервно хохотнул, но в гнетущей тишине смешок прозвучал фальшиво. Отчаянно цепляясь за иронию, пытаясь заговорить, заглушить то и дело накатывающую на него панику, он продолжал свой монолог:

– Вроде, кто-то спрашивал у меня дорогу… Нет. Толком не помню… Открываю глаза, а тут такое… Собственно, где же я оказался? Есть варианты? Молчи! Ты всё равно не угадал.

Для верности Андрей ещё раз осмотрелся вокруг.

– Я нахожусь в светящейся пустоте. Меня буквально окружает залитое белым светом пространство. Пустое, оглушающее тишиной ничто. Видимо, нужно сказать пару слов… эээ… о «физике» этого места. Я могу стоять. Могу идти, но ощущения движения нет совсем. Получается бег на месте какой-то… Глазу буквально не за что зацепиться. Вокруг ничего нет, никаких ориентиров. Только этот свет. Белый, упрямый, матовый. Он не режет глаза, но даю руку на отсечение, имеет плотность и давит на меня, угнетает сознание.

– Свечение ровное, одинаково интенсивно со всех сторон: снизу, сверху, везде. Болтаюсь, как глупый мотылёк, по дурости залетевший в лампу. Ощущение гравитации, к слову, нормальное. Вроде… Но с ней точно что-то не так. Сложно объяснить… Нужно проверить…

Воображаемый слушатель молчал, замерев в нетерпеливом ожидании. Понимающе кивнув диктофону, Андрей вытащил из кармана куртки ключи от квартиры.

– Сейчас в моей руке ключи от квартиры. Попробую уронить их вниз.

Он вытянул руку перед собой и разжал пальцы. Жидко всхлипнув металлом, они упали «на пол».

— Готово. Приземлились без звука, как будто на что-то очень мягкое. Сейчас посмотрим, что там… — Андрей наклонился, присмотрелся. — Ключи не лежат. Висят на уровне стоп. Спокойно, ровно висят. Застряли в текстурах... Такие дела…

Подобрав и убрав связку, висевшую в условном «полу», будто в какой-то сомнительной инсталляции из эпоксидной смолы и отсутствующей фантазии, Андрей продолжил монолог.

– Мда… С полом понятно… То есть не очень, но ладно.

В одно движение Андрей вытащил из кармана свой «мёртвый» телефон.

– Теперь я брошу свой мобильник вперёд. Для этого он сейчас вполне сгодится. Посмотрим, что получится.

Резким рывком он швырнул свою трубку вперёд, что было сил…

– Телефон пролетел метра полтора и впечатался… в свет. Словно в отвесную стену. И ни звука. Теперь вот висит без движения на высоте моего лица. Занятно, занятно…

В два шага Андрей подошёл вплотную к повисшему в воздухе смартфону и осмотрел его. Аппарат висел ровно, перпендикулярно «полу» и был совершенно статичен. Удивительно, но телефон можно было обойти кругом.

«Что за мистика? Бросить нельзя — стена, но обойти можно… Чудеса, да и только…»

Андрей пожал плечами и аккуратно взял его в руку — никакого сопротивления, ощущался лишь собственный вес трубки. Несмотря на то, что перед телефоном не чувствовалось какой-либо остановившей его исследовательский полёт поверхности и ничто не удерживало его, прибор уверенно висел в воздухе.

Вообще, создавалось устойчивое впечатление, что он именно лежит. То есть, по ощущениям Андрея, телефон был прижат собственным весом к несуществующей поверхности невидимой стены, в которую мягко воткнулся.

Нервно хмыкнув, Андрей продолжил комментировать свои действия:

– Подошёл, подобрал трубку. Стены, кстати, нет никакой там — хоть хороводы води вокруг телефона этого...

Андрей сунул телефон обратно в карман: пригодится.

– В общем, мой эксперимент показал: что бы я ни бросил, лететь оно будет на метр-полутора. Дальше у нас стена, которой нет, но через которую я прохожу свободно… А не сошёл ли часом я с ума?..

Он огляделся. Учитывая происходящее, допущение имело право на существование...

– В общем, если отбросить предположение, что прямо сейчас я лежу, привязанный к койке в психиатрической клинике в терминальной стадии клинического психоза, и всё это лишь видения вследствие моего помешательства, то практическая польза от эксперимента пока не просматривается.

Парень присел на корточки.

– Ладно… Хорошо… А сам я? Сам я тоже застряну в текстурах?

Он достаточно резко шлёпнулся на «пол» пятой точкой. Было мягко. Не пуховая перина, конечно, но и не бетон. На ум пришли кресла из экокожи с плотной подбивкой на металлическом каркасе в каком-нибудь банке или МФЦ.

«Талон номер А-12, пройдите к окну номер пять», — непроизвольно прозвучал в голове механический голос автоинформатора.

Воображение живо нарисовало картину: он сидит в уютном и таком родном, как теперь казалось, зале ожидания, вокруг снуют люди, кто-то из посетителей ругается у стойки с сотрудником, вендинговый аппарат источает манящий запах кофе…

Ладонью свободной руки Андрей полукругом провёл вокруг себя. Поверхность была ровной и достаточно тёплой. Сидя в светящейся безмолвной темнице, он продолжил беседу с диктофоном:

– Сел на пол. Он ровный, удобный и даже чуть тёплый. Доводилось когда-нибудь сесть на свет? Нет? А я вот, кажется, только что оседлал-таки радугу… Странное место. Какой-то невообразимый бред…

Не вставая с «пола», Андрей предпринял ещё одну отчаянную попытку пробить светящуюся пелену – резко расшвырял в разные стороны и в вверх мобильный, ключи и обе банковские карты. Телефон и карты бесполезно залипли по «стенам». А вот ключи — тут всё получилось наилучшим образом. Подлетев от броска, они шлёпнулись в низ и угодили ему прямо в лоб.

Андрей потёр ушибленный лоб, встал, прошёлся кругом и подобрал свои нехитрые пожитки и улёгся на спину прямо на световой пол. Некоторое время он молча, с задумчивым и непроницаемо серьёзным лицом методично двигал руками и ногами, вычерчивая «снежного ангела».

Неожиданно Андрей отчётливо уловил какое-то изменение. Резко сел, осмотрелся и поднёс диктофон ко рту:

— О! Кажется, что-то происходит! Ты слышишь это? Едва уловимое шипение! Окружающее меня белое марево идёт мелкой рябью, становится прозрачным… Я… Я вишу в воздухе!

Андрей осторожно встал, выпрямился в полный рост. Он уверенно «стоял» в воздухе метрах в полутора над, кажется, каменным полом.

Прищурившись, напрягая глаза, он вертелся из стороны в сторону в попытке рассмотреть всё вокруг. Его сердце незамедлительно сошло с ума и стучало в груди, как табун бешеных лошадей. Крупная дрожь пробивала всё тело.

— Да, начинают угадываться очертания какого-то пространства… Что это?! Я вижу огромный зал. Форма его похожа на лежащее на боку яйцо. Как бы описать точнее… Это симметричный эллипсоид, правильная вытянутая сфера, нижняя часть которой срезана и образует ровный пол.

Белая пелена полностью рассеялась, и теперь Андрей видел всё.

— Помещение потрясает размерами… Ого! Я с трудом вижу дальний конец! Сколько здесь? Километр? Да, никак не меньше в длину и как минимум метров триста в ширину. Свод этого мегалитического зала уходит вверх навскидку метров на пятьдесят. Масштаб циклопический…

— Стены, пол и потолок имеют светло-серый каменный цвет. Смахивает на какой-то гранитный мрамор. Более светлые прожилки рисунка излучают ровный матовый белый свет. Яркость вполне достаточная, рассмотреть можно всё.

Андрей с трудом сдерживал волнение и дрожащим, тараторящим голосом поспешно дополнял свою запись:

— Одна из боковых стен зала полностью прозрачная и образует исполинский овальный иллюминатор. Он реально огромный! За стеклом — космос! Да, я определённо вижу звезду и, похоже, планеты… Я не уверен… Кажется, это наша Солнечная система, но вид откуда-то издалека… Куда же я попал?!

Он замолчал. Зажмурился и потряс головой, пытаясь сбросить наваждение. Но, открыв глаза, снова уперся взглядом в бесконечную перспективу стеклянных вольеров. Дрожащим голосом заговорил снова.

— Теперь я вижу, что всё это время болтался прямо в воздухе, в центре прозрачной структуры. Её контуры едва улавливаются глазом, но видимы. Это куб. Размером примерно пять на пять метров. Его стены чуть бликуют и по виду напоминают толстое, хорошо отполированное оргстекло. Эта коробка стоит на полу.

Андрей перевёл дыхание и продолжил:

— Рядом со мной, впереди и сзади, слева и справа — точно такие же кубы. Они стоят стройными рядами, которые тянутся на всю ширину и длину этого зала. Некоторые коробки заполнены тем самым матовым светом, но есть и прозрачные. В некоторых из них тоже есть люди! Не в соседних со мной, чуть дальше, но они там есть, я вижу!

Парень сделал пару осторожных шагов в сторону, по воздушному полу.

— Сколько же здесь этих стеклянных клеток? С моей позиции их не сосчитать. Это сотни! Многие сотни… Моя коробка третья от начала ряда с этой стороны. Тут они все пустые, а вон там, штук через десять вперёд, болтается мой ближайший сосед. Дальше ещё… и ещё… Кажется, нас тут… Из того, что могу разглядеть, — человек сорок, не меньше.

Он нервно хмыкнул и задрал голову вверх, обводя взглядом уходящий в даль свод купола потолка. Диктофон в кулаке послушно фиксировал его прерывистое дыхание.

— Других объектов, входов или выходов поблизости не вижу. Всё выглядит стерильным, минималистичным, чистым. Ровные, гладкие стены с интегрированной подсветкой, иллюминатор, кубы — пустые, с людьми внутри или наглухо залитые белым молоком света. Больше ничего.

Потрясённый, ошарашенный увиденным, Андрей замолчал и выключил запись. Пожалуй, самое время начать экономить заряд батареи плеера.

Глава 2

Экспресс-клининг.

Когда проход в стене наконец закрылся, дышать стало заметно легче. Оцепенение, мёртвой хваткой сжимавшее горло, отступило. Минут через пять Андрей смог нормально двигаться. В голове мелькнуло: «Отличный Новый год намечается…»

Выудив из кармана диктофон, Андрей кое-как включил запись:

— Приём? — хрипло выдохнул он, — Меня слышно?..

Плеер, разумеется, не ответил.

— Включаюсь с новым отчётом. Тут такое закрутилось... В общем, всё. Хэппи-энда не будет. Без шуток.

Непроизвольно вжав голову в плечи, Андрей огляделся по сторонам, взглянул на дисплей – запись шла.

— Когда эта отупляющая и изолирующая засветка в моей клетке-аквариуме отключилась, я выключил свой диктофон. Болтаясь в воздухе, я пытался осмотреться. Звал соседей, кричал, махал руками. Реакции нет. Может, не слышат. Непонятно, пропускают ли эти стены звук. И видят ли они меня вообще…

Парень замолчал. Накатило отчаяние. Невидящим взглядом он смотрел на бегущие на экране диктофона цифры. Картинка, увиденная мгновенье назад и намертво застывшая в памяти, кипела от ужаса. Мотнув головой, он продолжил шёпотом.

— А может, и нет смысла им отвечать мне? Повисит человек в такой коробке годик-другой — и всё, больше ничего уже не нужно будет. Станет безвольным овощем.

Андрей перевел дыхание. Невольно скользнул взглядом по стене, где только что закрылся проход, поежился и продолжил:

— Пока я размышлял, почему никто из этих граждан не хочет со мной дружить, началась совсем другая история. Да такая красочная, что впору радугой блевать. Короче, прямо по центру торцевой стены, на стыке с полом, открылся круглый проход. Без шума, без скрежета — просто возник из ниоткуда метра четыре в диаметре. Я как раз туда смотрел.

Его непослушные глаза снова уставились в ту сторону. Прилипли к проклятой стене, словно мухи к ленте-ловушке, — не оторвешь.

— Из этого прохода появилось нечто — страшная гадина. Снизу — змеиный хвост, толстый, извивается по полу. Выше пояса — туловище вроде человеческого, только больше и какое-то угловатое, грубое. Торс мощный, руки — плечи, локти, кисти — точь-в-точь как наши, человеческие, только грубее, угловатей. Пальцы заканчиваются длинными острыми когтями. Морда чисто змеиная. Глаза огромные, раскосые, ядовито-зеленые, злые, что в дрожь бросает. Пасть широкая, жуткая. И кожа… вся в грязно-серой чешуе с болотным отливом. В длину эта махина метров девять, не меньше, а над полом возвышается метра на три. Исполинская тварь.

Андрей сглотнул подступивший к горлу ком.

— Оно выползло и двинулось вдоль нашего ряда коробок. Когда эта тварь скользила мимо моего куба, я замер. И нет, не от удивления. Сложно объяснить… Это была какая-то парализующая волна, я ее физически ощутил. Онемел весь, будто меня целиком окунули в лидокаин. Внутри всё затряслось.

Прижимая диктофон к самому рту, Андрей наговаривал всё, что видел, стараясь не упустить ни одной детали этого кошмара.

— И вот ползет эта штука вдоль ряда. Я пошевелиться не могу, слежу за ней одними глазами, они у меня большие стали, внимательные, как у мыши, которую в террариум к питону на обед пригласили. Существо доползло до куба того бедолаги — моего ближайшего соседа. Остановилась, повернулась к нему лицом.

Не прерывая монолог, Андрей помахал рукой несчастному, но тот, как и прежде, даже не посмотрел в его сторону.

— В общем, смотрит тварь на куб с мужиком и будто улыбается. Раздвоенный язык высунула, водит им вверх-вниз. Поднимает левую руку, направляет ладонь. Соседа начинает трясти, и он как закричит! Орет как резаный, громко, страшно. Тряска всё сильнее, тело бьет такой крупной судорогой, словно у него припадок или беса из него изгоняют. А потом — хлоп! Взрывается на тысячу ошметков. Словно арбуз от выстрела крупной дробью. Или воздушный шар с водой, сброшенный с крыши и победоносно встретивший асфальт. Куб изнутри в одно мгновение становится багровым от крови и прочего. И по невидимым стенкам медленно, как в замедленной съёмке, стекает это месиво…

На несколько долгих минут рассказ Андрея прервался. В циклопическом зале повисла мертвая тишина, нарушаемая лишь свистом его прерывистого дыхания. Собравшись с силами, он продолжил:

— Я в полном шоке. Вконец растерялся от такого представления. А тварь змеиная задирает башку кверху и беззвучно смеется. Но и так всё понятно, без слов. Радостно ей, отрадно. Дальше — еще интереснее. Змеюка сжимает пальцы в кулак, и мясной кисель, разбрызганный по невидимым стенам, приходит в движение. Начинает в кучу собираться. Мясное облако в центре аквариума! По кусочку, по капельке, неспешно. С минуту эта жижа уплотняется, формируется в котлету. Сочную, с кровью, из свежего, рубленного фарша — хоть сейчас на гриль. Раз! И стенки снова чистые, прозрачные, будто и не было этого кровавого шоу. Экспресс-клининг, мать его, работает профессионал.

Андрей поморщился.

— А потом фарш, булькая и выворачиваясь наизнанку, резко стягивается в силуэт. Мясо, кости, лохмотья одежды — всё с хлопком встает на свои места. Мгновение — и мужик собран. Целиком, без единой царапины, и живой-живёхонький. И тут же заходится в крике! Но визг обрывается на самой высокой ноте — змеиная гадина роняет руку, и соседа швыряет на колени. Смотрится дико: парень завис без сознания в самом центре долбаного аквариума. Удовлетворенная тварь уползает обратно. Стена за её хвостом бесшовно затягивается. Такое вот кино.

Андрей замолчал, силясь подобрать слова. В ушах все еще звенел тот хлопок, с которым сошлись воедино куски плоти соседа, как вдруг стенки прозрачной тюрьмы повело. Теряя иде-

альную форму, энергетический барьер дрогнул. Он колебался, как перегретый в жаркий день воздух, а затем растворился без следа. Невидимая опора, на которой Андрей надежно стоял всё это время, исчезла так же внезапно.

— А-а! — короткий вскрик оборвался глухим ударом. Освобожденный из гравитационной ловушки парень рухнул с полутораметровой высоты. Приземление вышло паршивым: он жестко подвернул ногу, потерял равновесие, завалился вперед и, исполнив кувырок через голову, растянулся во весь рост на фосфоресцирующем полу зала.

Лежать, любуясь местными видами, было совсем нельзя. Кувыркаясь по полу, Андрей слышал несколько глухих шлепков из дальней части зала — звуки, так же как он, падающих на камень человеческих тел. Нужно было срочно шевелиться, пока хвостатый маньяк не решил вернуться ради повторного сеанса змеиной магии, но на сей раз уже с ним.

Андрей заставил себя подняться. Наступать на ногу было больно. Пригибаясь и затравленно озираясь, он поднес плеер к губам и снова хрипло зашептал:

— Моей клетки больше нет! Растворилась… Пропала... Я грохнулся на пол, здорово ушибся. Лишь бы не перелом… Ох, что-то будет сейчас… Кажется, всё, конец мне.

Сжимая в кулаке включенный диктофон, Андрей пригнулся и бросился вперед. Превозмогая острую боль, он, сильно хромая, бежал в глубь зала — туда, где, возможно, были остальные освобожденные пленники, и как можно дальше от проклятой норы змея.

Андрей упрямо ковылял. В этой части циклопического помещения отключилась только его клетка, остальные по-прежнему застыли на своих местах бесконечными, ровными шеренгами. На бегу он скользнул ладонью по одной из невидимых граней. Поверхность оказалась монолитной, чуть теплой. На ощупь она напоминала идеально отполированный, прогретый солнцем гранит.

Проход между прозрачными камерами уходил бесконечно вдаль. По ширине зала Андрей насчитал около двадцати рядов. Клетки стояли симметрично, с интервалом в пять его широких шагов. В уме мгновенно включился калькулятор: если длина этого эллипсоида и правда около километра, то здесь больше тысячи этих энергетических камер. Андрей побледнел.

Стиснув зубы и с горем пополам преодолев около ста метров, Андрей поравнялся с кубом взорванного соседа. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что погони нет, он остановился.

Тот по-прежнему висел в воздухе, прямо в центре невидимой клетки. На вид — молодой метис лет тридцати, с тонкими европейскими чертами лица и плотным, смуглым загаром. Мужчина сидел в позе лотоса с закрытыми глазами. Весь облик дышал далекой древностью: копна черных взъерошенных волос, босые ноги, грубая набедренная повязка ниже колена и просторная бесформенная накидка из выцветшего белого хлопка.

На белой одежде пленника — ни единого пятнышка. Грани куба сверкали стерильной чистотой. Ничто вокруг не намекало на то, что пару минут назад этого парня превратили в жидкую кровавую кашу и вмиг собрали обратно.

Андрей разглядывал взорванного метиса, когда тот вдруг распахнул тёмно-карие глаза и посмотрел на него совершенно безумным взглядом. Отпрянув назад от неожиданности и едва не запутавшись в собственных ногах, старший продавец электроники чуть не упал. Подняв правую ладонь, чернобровый босяк улыбнулся и негромко сказал:

— Будь благословен долголетием! Я, Митраваруна, приветствую тебя, брат!

Андрей вконец опешил и выпалил:

— Здравствуйте! О… Вы говорите по-русски?!

Митраваруна приподнял бровь:

— По-русски? Это как? Я говорю на человеческом наречии. Таков мой язык, — гордо ответил он.

— Э-э… Ладно, — замешкался Андрей. — Вы… Ты знаешь, где мы находимся?

— Мы находимся в одном из бесчисленных яиц Мудрого Змея, что лежит в корнях мира и стережет великие воды, — заговорил метис пугающе спокойно, даже монотонно. Он кивнул в сторону овального иллюминатора, где в отдалении ярко горело Солнце. — Земля держится на его кольцах.

— Та-а-ак… — протянул Андрей.

Он коротко глянул на экран плеера, где упрямо бежали секунды записи.

— Ясно… Понятно… — вдумчиво произнес Андрей, едва заметно кивая. Понятно ему было только то, что сосед торчит здесь слишком долго и, кажется, у него окончательно съехала крыша. — Друг, скажи, почему я тебя понимаю? Давно ты тут?

Лицо Митраваруны озарилось безумным восторгом.

— Плоть от плоти Мудрого Змея, Вечный Васуки, благостно спит в каменных твердынях этих стен. Его молодой и справедливый сын Кила распоряжается здесь. По его воле ты дышишь тут, не испытываешь голода и жажды. По его воле мы понимаем друг друга. Здесь его власть. Давно ли я здесь? Уже целое мгновение от вечности.

Недавний смертник со сложнопроизносимым именем, явно довольный своим витиеватым ответом, умолк и проникновенно смотрел на Андрея. Парень молча переваривал услышанное.

— Справедливый Кила — это тот трехметровый ублюдок со змеиным хвостом, который, стоя прямо тут, недавно превратил тебя в кашу, наслаждаясь твоими истошными воплями? — уточнил Андрей, указывая пальцем себе под ноги.

Митраваруна неистово закивал, сотрясая копну взъерошенных волос, ещё больше выпучив полоумные глаза.

— О да! Это был он, великий и справедливый Кила. По его священной воле я, Митраваруна, буду вечность постигать цену божественной сумки!

«Твою ж мать! Ну какая ещё, б…д, «сумка», мужик?! Что это за сатанинские ребусы?!» — думал Андрей, теряя терпение и попутно проклиная всё на свете.

Ответы босоногого лишь множили вопросы. Парень нервно закусил губу, перенеся весь вес на здоровую ногу. Всё его нутро требовало немедленно бежать. С другой стороны, Андрей понимал: любая крупица информации об этом месте сейчас гораздо важнее импульсивных метаний.

— Чёрт с ним! — Андрей раздраженно махнул рукой, окончательно сдаваясь перед этим абсурдом. — Что ещё за история с божественной сумкой?

Безумный восторг мгновенно сошел с лица Митраваруны. Древний узник разом сник, тяжело вздохнул и заговорил тихим, бесцветным голосом:

— В ту пору Килу и его братьев не раз видели в наших землях, — тихо начал метис. — В тот самый день, который мне теперь не забыть никогда, я увидел их воочию. Я пас в поле коней и на опушке леса заметил божественных змеев — их было трое. Одним из них был Кила. В руках он держал золотую сумку. Он повесил её на сук векового дуба, и все трое уползли в чащу. О чём я думал?! Не знаю… Божественный предмет сиял на солнце. Он будто звал меня…

На мгновение Митраваруна замолчал, по его смуглому лицу катились слезы. Он глухо продолжил:

— Поддавшись искушению, я согрешил, — Митраваруна уставился в одну точку. — Крадучись, подобрался к дереву, схватил механическую золотую сумку и помчался прочь. И часа не прошло, как три змея появились в моей деревне. Все мои соплеменники и сам я были лишены движения, нас парализовало неведомой силой. Мы падали на землю кто как и где придется. Невидимой рукой Кила схватил меня, поднял в воздух и подвесил прямо над хижинами. Мои глаза… Закрыть их я не мог, как ни пытался! Кила желал, чтобы я видел всё, что он творил.

Слушая этот хриплый шепот, Андрей почувствовал, как по спине пробежал ледяной пот. Плеер в руке стал казаться тяжелой свинцовой болванкой.

— Жестоко, без капли жалости змеи убивали жителей деревни одного за другим, — продолжал метис, и на его губы медленно возвращалась жуткая, блаженная улыбка. — Всех моих друзей, родных, жену, детей… Весь наш скот. Без исключения. Змеи рвали людей на части, даже не прикасаясь к ним. Вырывали руки и ноги, срывали кожу живьем, выворачивали внутренности. Моему младшему сынишке Кила оторвал лицо и потешался над тем, как мальчик, умирая, убегал от него, истекая кровью, словно курица без головы. Они смеялись надо мной, над моей болью и страданием. Таким было мое первое наказание. Но Богам было этого мало!

Крупная слеза сорвалась с подбородка Митраваруны и растворилась в воздухе, едва долетев до невидимого пола куба. Андрей сглотнул вязкую слюну, не в силах прервать этот кошмар.

— Кила сказал мне, что за то, что я посмел у него украсть, он убьет меня столько раз, сколько звезд на небе, а память моя никогда не угаснет. И Кила забрал меня сюда. С тех пор я здесь. Он снова и снова убивает меня. И снова и снова его великой волей я оказываюсь жив. Каждый раз я испытываю адскую боль, и каждый раз он смеется над этим. Но физическая мука не так страшна, как та боль, что живет в моих воспоминаниях. Кила мудрее всех мудрецов. Обречь меня на бесконечную жизнь с этой неутихающей раной внутри — вот его истинное, высшее наказание. Такова моя история.

Андрей слушал молча. Что тут скажешь? Чем утешишь человека, которого космический садист упрятал в совершенную темницу и веками пытает изощренными казнями? Чем больше парень узнавал о Киле, тем сильнее им овладевала одна-единственная мысль: исчезнуть, испариться из этого проклятого места. Он дико озирался, ища взглядом змеиную тварь или новые проходы в стенах. Паника накатывала волнами, не позволяя сосредоточиться. Животный ужас набатом стучал в подсознании: *Беги!* Всё происходящее казалось диким ночным кошмаром. Андрей силился проснуться и уже в какой раз украдкой до боли щипал себя за руку.

Митраваруна легко прочитал панику, застывшую на лице Андрея. Печально улыбнувшись, он произнес:

— Сейчас тебе не нужно бояться, брат. Это не поможет. Успокойся, — метис обвел рукой бесконечные ряды энергетических камер. — Раз ты снаружи божественных вместилищ, послушных лишь воле Килы, — значит, таково решение. Он не гонится за тобой, ему нет в этом нужды. Покуда ты здесь, в яйце Мудрого Змея, ты в полной его власти. В любое мгновение он может схватить тебя невидимыми руками и сотворить всё, что только пожелает. Тебе нет нужды прятаться, ведь взор Килы преодолевает любые барьеры. Он увидит твое тепло. Он почувствует твой запах. Он услышит тебя. Любые твои метания лишь насмешат его. Превратят из безвольного предмета в забавную игрушку, с которой — да не допустят этого боги — ему вздумается поиграть.

Митраваруна смотрел на Андрея в упор, ловя его блуждающий взгляд.

— Тебе не нужно спешить. Ты едва ли теперь догонишь век, в котором жил. Внутри вместилищ ты спрятан от времени. Прими это, смирись. Разве ты сам знаешь, сколько времени находишься здесь? День? Год? Сто лет? Никто, кроме Килы, не даст тебе ответ, а он уж точно не снизойдет до этого.

По мере того как до Андрея доходил смысл этих слов, ноги становились ватными, а земля из-под них предательски уходила прочь. Паника накрыла с головой, лёгким не хватало воздуха. Накатил приступ дурноты, комната перед глазами поплыла. Сердце оборвалось, провалившись куда-то в желудок, и в груди воцарилась ледяная, пугающая пустота.

— Что теперь со мной будет? — тихо спросил Андрей.

Безумное лицо Митраваруны исполнилось глубоким состраданием. Голос Андрея сорвался на крик:

— Зачем он вообще вынул меня из этой проклятой коробки?!

Андрей со всей силы хлопнул ладонью по невидимой стенке камеры древнего пастуха. Всё его нутро замерло в ожидании ответа метиса.

— Вернее всего, тебя приготовили на обмен. Я много раз видел такое. Слишком много… — Митраваруна развел руками. — Если так, то Кила отдаст тебя в качестве оплаты каким-нибудь своим приспешникам. Может быть, ящерам, может быть, серым. Это тяжелая доля. Верная, страшная и мучительная гибель… Но поверь, один конец лучше бесконечных терзаний и лучше вечности в белом аду этих вместилищ, — одними глазами метис указал на кубы. — Верю, милосердный бог Яма милостиво встретит тебя на высочайшем небе, подаст кубок с нектаром бессмертия, и ты насладишься вечным весельем в цветущих садах. Я, Митраваруна, буду плакать и молиться о тебе, чтобы дух твой бессмертный достиг неба после умерщвления тела.

Минуту старший продавец электроники молчал.

— А, ну огонь тогда — Андрей сорвался на дикий, истерический смешок и, нелепо ухмыляясь, ткнул в сторону прозрачной стены кулаками с поднятыми пальцами: класс.

На лице Митраваруны застыло дикое, абсолютное удивление. Древний узник начисто потерял дар речи, уставившись на этот нелепый жест.

Пророчества древнего узника ложились на плечи железобетонной плитой. Андрей выслушал его, затаив дыхание, но все эти благостные призывы смириться, приготовиться к мучительной смерти и уповать на загробные сады неожиданно вызвали в парне обратную реакцию. Весь этот восточный фатализм пошел прахом перед простым жизненным правилом, которым он всегда руководствовался: если проблему можно решить, дергаться не стоит; если решить нельзя — дергаться бессмысленно. Удушающая паника отступила. Страх сменило безразличие и злость.

— Слушай, Митра… Могу я чем тебе помочь? — искренне спросил Андрей.

Ступор Митраваруны стал абсолютным. За три тысячи лет в этой клетке — о точном сроке пастух, к счастью для себя, не догадывался — он повидал десятки тысяч обреченных пленников. Людей завозили с Земли регулярно, целыми пачками, и со многими метис говорил во время обмена. И нет, их лица не смешались в бесконечный хоровод. Память узника, как и обещал Кила, физически не умела забывать — этой человеческой привилегии его лишили напрочь. Но сейчас, глядя на странного парня, древний пастух не мог вспомнить, чтобы хоть кто-то за все века реагировал на его слова подобным образом.

— Думаю, да, — ответил метис. Теперь настала очередь Андрея удивляться. — Я, Митраваруна, хотел бы знать твое имя.

Точно! Парень с досадой шлепнул себя по лбу. Он ведь даже не представился. Ну и где его манеры?

— Андрей. Будем знакомы! — Назвав имя, он прижал ладонь к прозрачной стенке. — Держись. Не пропадай.

Сказав это, Андрей развернулся и, по-прежнему прихрамывая на ушибленную ногу, побрел в сторону дальнего конца зала. Не оборачиваясь. Парень прекрасно понимал, что рано или поздно за ним явятся обещанные пастухом новые «друзья» — ящеры или серые, кем бы они ни были. Но пока оставалось время, он решил спокойно пройтись. В конце концов, когда еще выпадет шанс своими глазами увидеть обитель обожествленных тварей?

Андрей упрямо шел вперед, лавируя между прозрачными камерами. Он больше не таился и не пригибался.

Диктофон по-прежнему был зажат в кулаке, продолжая фиксировать каждый звук. На ходу парень скользнул взглядом по дисплею: места на карте памяти оставалось полно, а вот от заряда батареи уцелела лишь половина. Андрей поднес плеер к губам:

— Приём, ты тут? Чёрт, надеюсь, эта исповедь моего соседа-вечного смертника попала на запись полностью. В общем, я ушел, двигаюсь дальше. Иду в глубь хранилища, хочу посмотреть, что там дальше. Дойду — расскажу.

Палец щелкнул крошечной клавишей, останавливая запись.

Примерно посередине зала Андрей наткнулся на пустоту в рядах кубов. Здесь силовая клетка исчезла точно так же, как и его собственная. Но её обитателю повезло гораздо меньше.

На полу, среди веером разлетевшихся рекламных листовок, лежало тело. Это был рыжий пухлый паренёк лет шестнадцати с наивным детским лицом, густо усыпанным веснушками. Удар при падении из проклятого аквариума оказался смертельным — у бедолаги была сломана шея. Широко раскрытые голубые глаза застыли холодным стеклом, отражая тусклый матовый свет пола.

Одет погибший был дико, сюрреалистично: в огромный ростовой костюм шоколадного пончика с разноцветной посыпкой и оранжевой надписью Dunkin' Donuts. Видимо, парень раздавал флаеры на улице и вместо обеденного перерыва угодил сюда…

Андрей присел и коснулся шеи подростка. Пульса предсказуемо не было. Тело еще оставалось теплым, но парнишка был совершенно мертв.

— Сука ты, Кила…, конченный садист, — громко сказал Андрей в пустоту и пошагал дальше.

То тут, то там силовые камеры оставались прозрачными. Внутри пустоты застыли люди. Кто-то в обреченной апатии пялился в одну точку, другие удивленно провожали взглядом хромающего Андрея. Некоторые пленники звали его, умоляли о помощи, но разговаривать ни с кем не хотелось. Сжав зубы, парень уверенно шел вперед.

Дальняя стена зала была уже совсем близко, когда Андрей периферийным зрением поймал движение в соседнем ряду камер. Он оглянулся на промелькнувшую тень и успел заметить человеческий силуэт.

— Неинтересно! Извини, — как можно громче крикнул он вслед беглецу. Играть в прятки сейчас не было абсолютно никакого настроения.

Подойдя к дальней стене зала, Андрей увидел прямо по центру круглый проем — точно такой же, из которого на противоположном конце выполз Кила. Не останавливаясь, парень шагнул внутрь. Это был короткий тоннель длиною всего в пять шагов.

«Стандарт у них тут, что ли, на эти несчастные пять метров?» — подумал он.

По другую сторону тоннеля оказался точно такой же сектор. Всё те же бесконечные ряды энергетический тюремных контейнеров тянулись вперед, насколько хватало глаз. Коротко отрапортовав диктофону, что попал в следующий зал, Андрей шёл дальше.

Где-то совсем рядом парень услышал тихий женский плач. Идя на звук, он вскоре увидел на месте очередной отключенной энергетической клетки женщину лет пятидесяти. Она была одета в элегантное вечернее платье — сейчас изрядно помятое и грязное, будто даму долго валяли по полу. Растрепанные волосы еще хранили следы праздничной укладки: чувствовался тонкий запах дорогого лака, кое-где пряди сохранили благородный блеск. Из обуви на пленнице осталась лишь одна туфля на высокой шпильке. Она была снята и болталась на ремешке, застегнутом вокруг лодыжки.

В груди болезненно сжалось — плачущую женщину было искренне жаль. Андрей сделал шаг в ее сторону, но внезапно плавно взмыл в воздух.

«О! Началось. Значит, обмен…» — мелькнуло в голове.

Тело мгновенно обмякло, а сознание как будто заволокло легким туманом. Это состояние напоминало Андрею прошлогоднюю операцию, когда ему собирали руку после тяжелого перелома: наркоз уже ввели, но он еще не отключил сознание полностью.

Так и плыл старший продавец электроники куда-то по воздуху, лежа на спине в полуобмороке и из последних сил накрепко сжимая в кулаке диктофон. Мимо мелькали бесконечные

ряды прозрачных клеток, зал сменял зал. Рядом в невидимом потоке неслись и другие пленники, пущенные садистом Килой на обмен. Вон плакавшая дама в платье, теперь потерявшая сознание. Рядом — труп рыжего парня с неестественно запрокинутой головой. Следом, в плавном полете, барахтался старик в круглых очках и черном костюме. Ещё Андрей мельком увидел, как к их воздушной процессии присоединился субтильный мужчина в рясе священника. Вроде католик..

Андрей то терял сознание, то вновь приходил в себя. В какой-то момент он увидел, что вся их партия живого товара вылетает в открытый космос, покидая пределы обиталища зловещего змееподобного существа.

«Яйцо Мудрого Змея, б…д! — внутренний голос Андрея в истерике давился от смеха. — Надо же такое придумать…»

Вереница тел медленно плыла к небольшому, черному, как сама пустота, сигарообразному кораблю. Сквозь пелену угасающего сознания Андрей успел заметить, что база Килы скрыта внутри огромного астероида. Этот обломок скалы затерялся в бескрайнем, угрюмом кольце мрачных камней, опоясывающем границы Солнечной системы.

«Попался, Серёжа!» — узнал Андрей Пояс Койпера со страниц космического атласа.

— Я найду тебя! — попытался крикнуть он, но осилил лишь слабый шёпот, — я знаю, где ты живёшь…

Сделав над собой нечеловеческое усилие, Андрей попытался подчинить задеревеневшие пальцы. Рука отчаянно сопротивлялась, но он все же взял над ней верх и подтянул к груди. С кнопкой записи парень совладал в тот момент, когда безмолвная процессия подобралась вплотную к сигарообразному кораблю новых хозяев, и тот дружелюбно распахнул большой круглый люк грузового шлюза.

Совсем слабым, смазанным голосом Андрей прошептал:

— Ау… Ты слышишь? Обменяли меня… Куда-то везут...
Сознание сузилось, собралось в одну крошечную точку, и он отключился.

Глава 3

Транзитные грузоперевозки.

Утром третьего января 2025 года Андрей перешел дорогу на улице Асафьева напротив своей многоэтажки за номером пять и нырнул в серые лабиринты дворов. Он срезал путь к метро «Проспект Просвещения». Там, за типовыми коробками еще не проснувшихся домов, скрывалась его цель — торговый комплекс «Норд». Парень спешил. Статус старшего продавца в крупном сетевом магазине электроники, оккупировавшем добрую половину второго этажа ТЦ, обязывал к пунктуальности. К тому же весь лимит директорской лояльности он подчистую вычерпал еще в декабре. Андрей оставался у начальства на хорошем счету, ведь он месяц за месяцем перевыполнял личный план и нередко своими продажами тянул общую кассу. Светлана Николаевна до сих пор закрывала глаза на его опоздания, милосердно не урезая зарплату за нарушения графика, но наглеть точно не стоило. Сейчас на кону стояла жирная январская премия, и он на нее рассчитывал.

Из-за новогодних праздников «Норд» открывался позже обычного — в десять утра. Андрей мельком взглянул на телефон: часы на экране обозначили 9:15.

«Отлично!» — идти Андрею ровно одиннадцать минут, времени в запасе полно.

Он шел. Погода радовала мягким январским теплом. Крупные хлопья снега гарцевали вокруг еще горевших фонарей, разгонявших предрассветный мрак и давящую зимнюю серость. Затянутое облаками небо наваливалось на район тяжелым свинцовым одеялом, создавая неповторимый питерский нуар. Андрей любил ходить этими дворами. В это время дня и особенно в праздники его маршрут оставался тихим и почти безлюдным. В районе десятого дома по Асафьева он поравнялся с припаркованным фургоном — пассажирская «газелька» белого цвета с наглухо тонированными стеклами сверкала до блеска намытыми бортами.

— Молодой человек! — парня окликнул какой-то мужик из приоткрытой двери кабины фургона, беспардонно прервав созерцание хмурой меланхолии зимних утренних дворов.

— Да? — он остановился, обернувшись на голос.

— Вы не подскажете, как нам проехать к сто тридцать пятому детскому саду? Это Хошимина, тринадцать, третий корпус. Едем из Новгорода, того, что Великий. Навигатор сломался, теперь вот стоим здесь, тупим… — Мужчина виновато улыбнулся.

Ну как не помочь этим горемычным гостям Северной столицы, заблудившимся в трех минутах от финиша?

«Действительно тупите, ребята, ехать-то тут всего ничего…» — успел подумать Андрей и рухнул будто замертво на заснеженный, нечищеный тротуар.

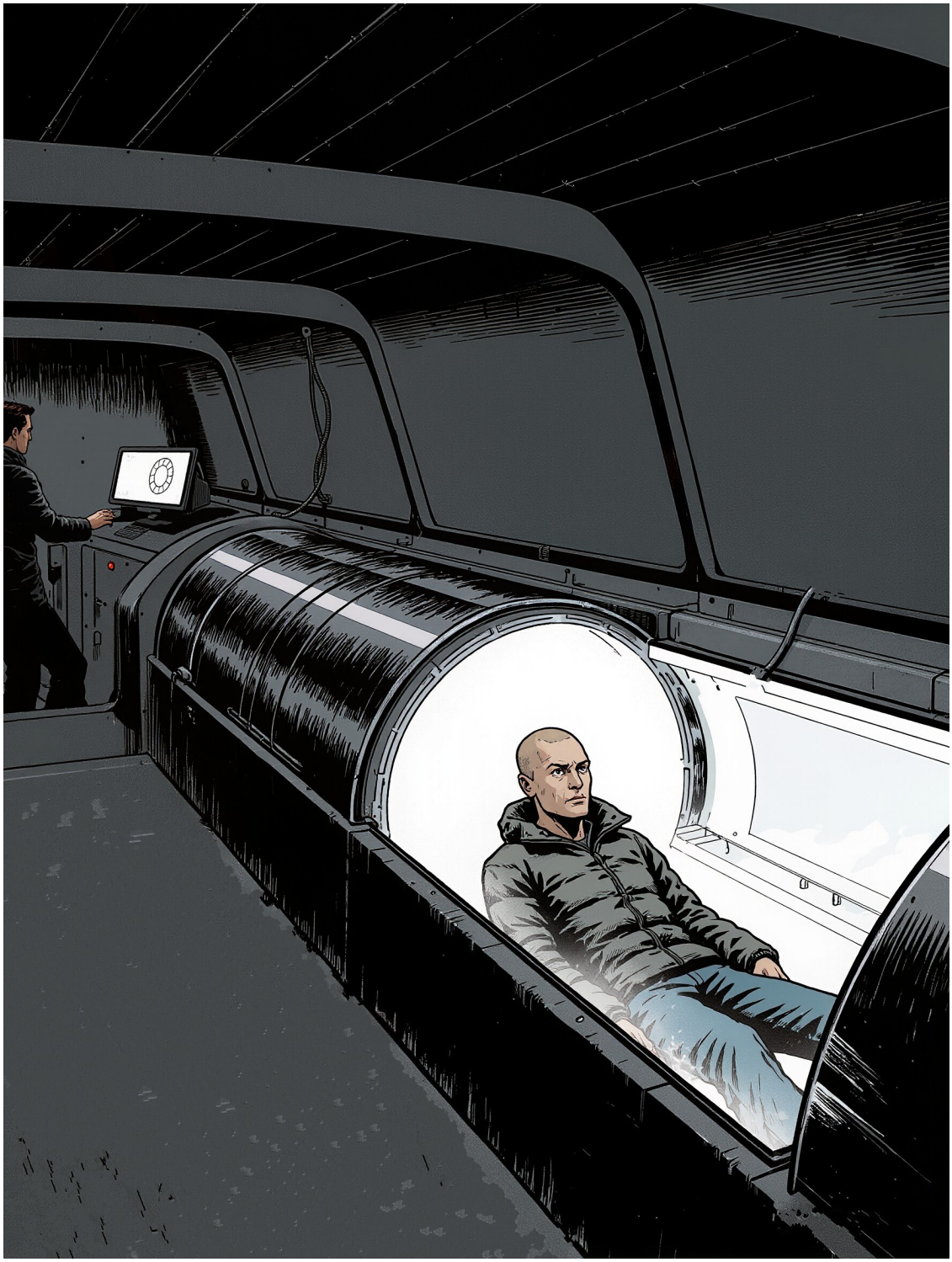
Вопрошавший о помощи пассажир бодро выскочил из машины. Прошуршали ролики, боковая дверь откатилась в сторону. Мужик деловито подхватил лежащего без чувств на поребрике Андрея под руки и поспешно затащил в тёмный салон фургона, словно тряпичную куклу. Клацнув металлом, захлопнулись двери. «Газелька» взревела мотором, который всё это время нетерпеливо урчал на холостых, и с перегазовкой рванула с места. На уверенной скорости она шла в сторону того самого детского сада номер 135, что находится прямо за станцией метро «Проспект Просвещения».

Не успела машина тронуться, а в салоне уже закрутился удивительный процесс. Никаких сидений для перевозки пассажиров там не было вовсе. Минималистичная утроба микроавтобуса несла в себе оборудование непонятного для непосвящённого взгляда назначения. Вдоль левого борта, друг за другом, на полу вытянулись две продолговатые капсулы стального цвета. Метровые в диаметре и не меньше двух метров в длину, они походили на глухие цилиндрические трубы, запечатанные с торцов. Мрачный полумрак лишь подчеркивал их холодную геометрию.

Похититель оттащил обмякшее тело к ближайшей капсуле. Короткое касание гладкого торца — и на стальной поверхности проступил светящийся контур. Створки бесшумно разошлись, открывая продолговатый люк со скруглёнными углами, куда легко поместился бы человек любой комплекции. Изнутри саркофаг дышал мягким, белым флюоресцирующим светом. Мужик ловко перевалил Андрея в полость контейнера. Еще пара быстрых касаний, и створки послушно сомкнулись, возвращая металлическому цилиндру первозданный вид. Хриплое рычание мотора «газели» слилось с нарастающим, потусторонним гудением ожившего аппарата.

Фургон ходко катил по лабиринтам внутриквартальных проездов. С улицы долетал приглушенный писк чьего-то клаксона. Будничный шум просыпающегося Петербурга пробивался сквозь обшивку «газели», создавая жуткий контраст с тем, что творилось внутри.

Не прошло и пяти минут, как вторая капсула, стоявшая ближе к задним дверям, издала резкий писк и разинула пасть, сдвинув забрало. Что это там? Внутри технологичного ложа, окутанный паром, лежал точно такой же Андрей. Одетый точь-в-точь как оригинал. Настоящий, пугающе осязаемый двойник того самого парня, который всего десять минут назад спешил на работу, любуясь районом.



Бегло осмотрев второго Андрея, пассажир удовлетворенно кивнул и обернулся к стенке фургона. Там висел металлический прямоугольник размером с окно вагона метро. Похититель, искусно сыгравший роль заблудившегося провинциала, уверенно коснулся ровной поверхности. Металл мгновенно ожил: матовая плоскость вспыхнула глубокими, сочными цветами, разворачивая футуристичный интерфейс сенсорной панели.

Пальцы похитителя быстро забегали по виртуальным клавишам, покрытым чужеродной вязью из ломаных линий, точек и строгих геометрических фигур. Мужик обернулся, проверяя результат. В ту же секунду фальшивый Андрей открыл глаза. Без единого звука, с пугающей механической плавностью клон сел, поднялся на ноги и перешагнул через край саркофага.

«Газелька» была уже у «Норда», примостившись у служебного входа для персонала. Дубликат Андрея буднично выбрался из салона, махнул водителю рукой и, не обронив ни слова, скрылся в дверях комплекса. Похититель захлопнул дверь. Пара быстрых касаний сенсорного пульта и на экране вспыхнула картинка. На монитор пошла прямая трансляция из глаз лже-Андрея. Клон как раз прятал в карман рабочий бейдж, миновав сонного охранника. Он уверенно встал на ступени эскалатора, уносящего его на второй этаж.

— Почеши левое ухо и покашляй, — негромко приказал мужик, сделав еще одно касание. Повинуясь команде, синтетический парень незамедлительно выполнил и то, и другое. Палец похитителя скользнул по экрану, и тот послушно погас. Теперь по виду это был самый обычный, толстый лист стали, зачем-то приделанный к борту фургона.

— Готово, — то ли отчитываясь перед невидимым куратором, то ли просто подводя итог, мужчина перебрался на переднее сиденье — туда, откуда совсем недавно выведывал у Андрея дорогу. Циничный и безупречно просчитанный план. Пока этот мерзавец заговаривал зубы своей жертве, скрытые в кузове технологии бесшумно фокусировали парализующий луч, мгновенно выключивший сознание парня.

«Газелька» рванула с места, оставляя «Норд» позади. Несколько минут — и фургон без следа растворился в плотном потоке машин, автобусов и трамваев, бесконечно снующих по проспекту Просвещения.

Тем временем клон Андрея зашел в магазин и как ни в чем не бывало направился в раздевалку. Быстро натянул рабочую форму, нацепил бейдж старшего продавца. Сегодня директриса не упрекнет его в нарушении режима, ведь он прибыл с приличным запасом. Еще и добрался с комфортом, удачно подсказав дорогу двум заплутавшим новгородским парням на «газели», в благодарность подбросившим его до самых дверей ТЦ.

«Недаром говорят: Что посеешь, то и пожнешь. Вот он, круговорот добра в природе», — улыбаясь, думал довольный собой дубликат, идя на кухню.

Можно без спешки выпить чашку кофе и полистать новостную ленту. Нужно настроиться на плотный день: в январские праздники покупателей всегда очень много.

Теперь копия займет место оригинала. Она будет жить украденной у него жизнью, даже не подозревая, что является лишь биокопией. Фальшивкой, которую инопланетные технологии сотворили за пять минут в кузове ничем не примечательной «газели». И эту фатальную пятиминутку фальшивый Андрей не вспомнит уже никогда.

Идеальное инопланетное преступление с отсутствующим составом. Память подделки содержит все воспоминания настоящего Андрея, переняв его характер, чувства, привычки и привязанности. Органика искусственного тела неотличима ни для хирурга, ни для патологоанатома. Да, этот биоматериал разрушится чуть быстрее, чем организм среднестатистического человека, но у клона все равно будет в запасе 45–50 лет полноценной жизни.

Отличие искусственной человеческой плоти, генерируемой оборудованием в фургоне, от настоящей заключается лишь в ее вкусе. К своему счастью, синтетический Андрей об этом никогда не узнает.

А вот объекту копирования, прямо сейчас болтающемуся без сознания в запертой капсуле внутри лавирующего по питерским дорогам белого микроавтобуса марки «ГАЗ», в этом плане повезло чуть меньше… Впрочем, до этого ему еще нужно дожить.

«Газелька» летела по дороге на максимально разрешенной скорости. Водитель спешил. День только начинался, а в праздники «клиентов» всегда очень много. Нужно было поскорее скинуть на базе этого болвана с Асафьева и ехать на подбор следующего. В их специальном полевом отряде секретной правительственной службы под названием «Транзит» оплата шла за каждую доставленную «голову». Сейчас на кону стояла жирная январская премия, и они с оператором на нее рассчитывали. Кровь из носу нужно выполнить дневную норму по людям.

Конвейер «Транзита» работал без сбоев, как часы. За каждым районом Петербурга был закреплен свой автономный отряд из водителя и оператора. Парни колесили по городу на спецтранспорте с документами транспортной службы «РусКрио». Эта контора за нескромное вознаграждение обещала состоятельным клиентам заморозить их безвременно ушедших родственников до лучших времен — пока медицина будущего не научится воскрешать мертвых.

Легенда работала безупречно. При любой случайной проверке на дороге высокотехнологичные инопланетные приборы внутри фургона выдавались за обычные сосуды Дьюара — вакуумные резервуары, куда помещают покойников и заливают жидкий азот. Если же во время захвата назревал серьезный кипиш, у похитителей всегда оставался козырь в рукаве. У каждого в кармане лежало удостоверение сотрудника ФСБ государственного образца, железно бьющееся по всем закрытым ведомственным базам.

«Транзит» — пожалуй, старейшая и единственная по-настоящему глобальная спецслужба на Земле. Этот конвейер работает без остановки: двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, круглый год. Ему плевать на погоду, политические кризисы и экономическую конъюнктуру. Совершенно неважно, что там сейчас за режим в вашей стране: диктатура, демократия или родоплеменной строй. В каждом городе, по всему земному шару, крутились и крутятся сотни таких полевых отрядов на своих ведомственных машинах — разных марок, но неизменно белого цвета.

Итак, утром третьего января 2025 года белая «газелька» «Транзита», закрепленная за Выборгским районом Санкт-Петербурга, катила на базу. В ее кузове, внутри металлического бокса, лежал в глубокой искусственной коме «болван с Асафьева» по имени Андрей. Очередной насильно и тайно изъятый, вырванный из собственной жизни человек, превращенный в безликую консерву — в универсальную валюту обмена, в бескомпромиссную плату человечества за саму возможность существовать в иллюзии свободы. Дань, регулярно взимаемую теми, кому по праву первого и по праву сильного принадлежала вся Солнечная система и планета Земля вместе со всеми ее жителями.

Фургон спешил в Горелово — хмурый, безликий пригород на стыке Красносельского района Петербурга и Ленинградской области. Здесь расположена огромная промзона с ее бескрайними лабиринтами складов, логистических терминалов и машиностроительных ангаров. Укрытая от посторонних глаз высокими бетонными заборами, надёжно охраняемая мутными частными структурами со строгим пропускным режимом, она идеально подходила для конспирации. Именно в этих глухих индустриальных дебрях и затерялась питерская база «Транзита».

Маршрут выборгской бригады был простым и быстрым. Оставив «Норд» позади, «газелька» проскочила проспект Энгельса, выкатилась на КАД и вскоре съехала в сторону Таллинского шоссе. Слева тянулись последние высотки Красносельского района, справа — гигантские коробки гипермаркетов, уютно подсвечивавшие январские сумерки. Буквально через километр городская застройка оборвалась, обнажив глухую окраину с бесконечными полями и складами. Миновав перечеркнутый красной линией знак «Санкт-Петербург», машина ускорилась и на всех парах понеслась по Волхонскому шоссе прямо к Горелово.

Андрей, выключенный, упакованный в неземную тубу контейнера, сам того не зная, вышел на самую трагическую в своей жизни финишную прямую.

Вскоре показался КПП 1 южной промзоны, раскинувшейся на бывших территориях Кировского завода — бескрайних девяноста гектарах индустриального хаоса. «Газель» затормозила перед шлагбаумом. Водитель выудил из бардачка пластиковую карту и приложил ее к считывателю.

Преодолев первый барьер, фургон, петляя по промышленному лабиринту, проскочил в глубь территории. Чтобы попасть на саму базу «Транзита», бригаде предстояло прорваться через заградительный кордон из семи внутренних КПП службы безопасности. Никаких привычных шлагбаумов здесь не было — каждый пункт являлся изолированным шлюзом. Тяже-

лые бронированные ворота автоматически расползались перед капотом и наглухо смыкались за задним бампером. Стоило первым створкам запереть капкан, как открывались вторые. Внутри этого железобетонного мешка, на узком пятачке между воротами, рассредоточились штурмовики в глухой боевой экипировке и с армейским оружием в руках.

Досмотр ведомственному транспорту не требовался: гарнизон шлюзов лишь гарантировал, что на объект не проникнет ни одна живая душа извне. Контроль за машинами не прекращался ни на секунду. Каждая «газель» была на особом учете, несла на борту комплекс слежения и кругового видеоконтроля, а на крайний случай оснащалась системой дистанционной блокировки и самоуничтожения. Ход операции в реальном времени вели операторы центра сопровождения. Игры кончились. На кону стояла безопасность населения планеты и сытое благополучие ее теневых элит.

Наконец последние ворота с грохотом захлопнулись за «газелью» выборгской бригады, оставив позади угрюмые лица военизированной охраны. Машина закатилась в просторный, гулкий ангар, достигнув заветной точки разгрузки.

— Здорова, Дэнчик! Как там в городе? Новогоднее настроение еще витает в воздухе? — Василий, двухметровый дородный детина, значившийся в кадровых базах «Транзита» как обычный приёмщик, весело улыбнулся водителю. Приветственно кивнув оператору, он бодро подскочил к борту «газели» и одним размашистым, привычным движением откатил боковую дверь.

— Да, ёп-тыть, город прям дышит праздником! Приходи глядеть! — ухмыльнулся водитель Дэнчик и вышел из машины, разминая затекшие от долгой дороги ноги и спину, — у меня жо…а скоро в квадрат превратится от этой еб…чей работы! Хорошо хоть на дорогах сейчас свободно.

— Держись, братуха, покой нам только снится! — гоготнул приёмщик. Одной рукой он выуживал безвольное тело коматозного Андрея из уже открытой капсулы, а второй разгонял вырвавшееся из неё облако пара.

Василий шустро выпрыгнул из фургона. Одним движением великан перекинул обмякшего Андрея через плечо, словно мешок с песком. Бегом он направился к длинномерной фуре, стоящей в ангаре. Разумеется, безупречно белого цвета. В открытом полуприцепе плотными рядами лежали точно такие же саркофаги. Ровно тринадцать штук.

А «газелька», развернувшись на полном газу, уже отправлялась в новый рейд — дневной план по «болванам» сам себя не выполнит. Водитель коротко посигналил приёмщику и двинул фургон в сторону тяжёлых ворот КПП.

Не оборачиваясь, Василий махнул свободной рукой выборгской бригаде «Транзита». Взбежал в кузов фуры по приставленному к нему пандусу и в одно движение закинул Андрея в открытый бокс. Короткое касание сенсора — и створки послушно сомкнулись.

— О-о-о-тлично! — опять гоготнув, протянул приёмщик Василий, коснулся уха и протараторил в скрытый микрофон: — Птичка в клетке! Клетка в птичке! Третий выборгский рейс загружен и готов к транспортировке.

— Вас понял. Очень хорошо. Василеостровская бригада на подходе. Четвёртый рейс. Готовность десять минут, — шипела голосом оператора центра сопровождения миниатюрная гарнитура, едва заметная в объёмном ухе Василия.

— Принято! Понято! Жду! — ответил Василий и, тихо напевая себе под нос Бухгалтер, милый мой бухгалтер…, направился к бытовке, стоящей у ворот ангара. Десять минут — это просто отлично. Приёмщик успеет хлопнуть горячего чая из термоса и потупить в новости на телефоне. Что там у нас сегодня? Голод? Война? Семейная ипотека под льготный процент?

Работы сегодня будет хоть отбавляй. Праздники.

Ровно в полночь, в ночь с третьего на четвёртое января 2025 года, с территории промзоны «Горелово» выдвинулась внушительная колонна спецтехники. Она состояла из пяти белых фур и шести машин сопровождения, оборудованных жёлтыми спецсигналами.

Взглянешь на такую колонну, и не увидишь ровным счётом ничего необычного. Какие-то фуры, какие-то трубы.

В одной из этих «каких-то труб» лежал бережно упакованный в угоду любимым партнёрам, наглухо выключенный мощным инопланетным парализатором какой-то старший продавец электроники, не дошедший сегодня утром до своей работы.

Колонна миновала ворота КПП, свернула на Волхонское шоссе и взяла курс на восток, к темному силуэту Пулковских высот. Вскоре тяжелые машины съехали с асфальта на разбитую грунтовку, ведущую в глубь Койровских полей — заброшенных совхозных земель и глухого, вымершего урочища.

Если бы Андрей прямо сейчас пришел в себя и каким-то чудом пробил обшивку своего стального кокона, перед его глазами открылась бы жуткая, абсолютно голая пустошь. Огромные безлюдные просторы, зажатые в капкан между Волхонским трассой, Южной промзоной и глухой насыпью Гатчинской железной дороги.

Кавалькада машин метала ходовыми огнями и жёлтыми спецмаячками зловещие отсветы, то и дело мигавшие на ухабах грунтовки. Эти блики сеяли чувство тревоги посреди заброшенного, продуваемого всеми ветрами снежного поля. На километры вокруг не было ни одной живой души, ни одного жилого дома — только редкие опоры ЛЭП да далекие огни взлетающих из «Пулково» самолётов. Колонна прибыла в точку транзита.

В это самое время, прямо над точкой транзита, высоко на заданном орбитальном рубеже, в немом и холодном мраке открытого космоса, висел транспортный корабль серых — инопланетной расы щуплых недомерков с кожей бледно-серого окраса. Острые угольно-чёрные грани исполинской пирамиды этого чужеродного гиганта полностью пожирали любой падающий на них свет.

Водители фур и экспедиторы «Транзита» поспешно освобождали металлические саркофаги от крепежных строп.

Когда последняя крепежная стропа, сдернутая крепкой рукой кого-то из этих «хранителей безопасности населения планеты», упала в грязное снежное месиво разбитой грунтовки перерезанной пуповиной, финальный ряд саркофагов на крайней фуре оказался свободен. Старший колонны с надрывом прохрипел в скрытый микрофон:

— Готовы к отгрузке! Готовы к отгрузке! Прием? Как поняли?

Миниатюрная гарнитура, подарок инопланетных партнёров «Транзита», ловила каждый звук.

— Вас понял! Вас понял! — чеканил и захлёбывался голос оператора центра сопровождения. — Даю команду на погрузку! Даю команду на погрузку!

— Отошли! — рявкнул старший колонны и замахал руками, отгоняя людей от машин. — Отошли все!

Последние сотрудники «Транзита» поспешно разбегались, увязая в сугробах.

Мгновение — и корабль серых выпустил из своих глубин невидимый глазу силовой луч.

Отражая круглыми стальными боками нервно мигающий свет, цилиндры капсул с ценным человеческим грузом медленно оторвались от грузовых платформ белых фур. Несколько секунд они висели в воздухе прямо над машинами, словно связка воздушных шаров, не тронутых ветром. Затем резко, с какой-то невообразимой скоростью взмыли в ночное январское небо, без следа растворившись в высоте.

Невидимый кокон силового луча бережно защищал капсулы. Они плавно преодолевали плотные слои атмосферы. Впереди был долгий путь строго вверх — на далёкий орбитальный рубеж. Защищённые внутренними компенсаторами давления своей товарной упаковки, похищенные люди мчались навстречу неизвестности. Спустя пятьдесят минут полёта, достигнув глубокого вакуума, капсулы послушно заскользили прямиком в раскрытую пасть грузового шлюза инопланетного челнока.

В оперативном центре сопровождения «Транзита» раздался писклявый голос серого пришельца. Даже умный адаптивный переводчик их системы связи не мог придать их свистящему и щёлкающему языку полностью человеческие интонации.

— Груз получен. Уходим на следующие координаты, — проскрипел гуманоид.

В основании пирамиды пришельцев беззвучно закрылся колодец внушительного грузового отсека. Ослепительный, узкий и длинный фиолетовый плазменный факел стремительным кинжальным ударом разрезал ледяную космическую пустоту.

Завершив сбор в этом секторе, исполинская пирамида тронулась с места. Силовой луч требовал строго вертикального наведения на цель, и, чтобы зависнуть над следующей зоной изъятия, кораблю серых приходилось совершать баллистический прыжок.

Короткий импульс кормовых дюз — и чёрная скала плавно провалилась на пару сотен километров, снижая орбиту. Там, повинуясь законам Кеплера, скорость корабля возросла, и он начал стремительно обгонять вращение Земли.

Минуты точного хронометража, ещё один ювелирный микровзрыв торможения — и пирамиду вытолкнуло обратно на прежний высотный рубеж. Транспортник замер точно над новой точкой транзита, готовый снова прожечь атмосферу невидимым гравитационным штырём.

Словно огромный ткацкий бегунок, методично обрабатывающий планету, инфернальная пирамида серых принимала новые грузы: уран, золото и живое человеческое мясо. Погрузка шла полным ходом.

Пройдут сутки, и погрузка закончится. Насытив свои бездонные трюмы, мрачная глыба на полной тяге рванёт в сторону далёкого Пояса Койпера. Через восемь дней, совершив реверсивный кувырок, корабль достигнет цели. Распределительная база змееподобной расы, управляющей всем в Солнечной системе, пополнит свои склады.

Что ждёт этих несчастных, невольно отправленных в умопомрачительное космическое путешествие? Их определённо не ждёт ничего хорошего. На зловещей базе Пояса Койпера людей превратят в живую валюту. Штучно или мелким оптом этот деликатесный продукт станет разлетаться в качестве платы и поощрения для верных слуг змееподобной расы — серых

гуманоидов и прямоходящих рептилий, порабощённых миллионы лет назад. И эти твари найдут человеческой плоти и разуму весьма изощрённое применение.

Где-то глубоко в бездонном брюхе некротического транспортного корабля серых недомерков, среди сотен сложенных аккуратными рядами капсул с человеческими консервами, Андрей покидал родную планету.

Никто не махал ему вслед. Никто не бил в набат о его пропаже. Ведь ровно в это самое время его точная копия пила крепкий чай с молоком, стоя на балконе питерской квартиры на седьмом этаже, и мечтательно смотрела в ночное небо на такие далёкие и такие манящие звёзды.

Глава 4

Братья по разуму.

Сознание возвращалось к Андрею медленно и мучительно. Тупая, пульсирующая боль в висках пыталась расколоть череп надвое. Сквозь пелену пограничного состояния сочилась дикая какофония. По капле проникая в его восприятие, эти звуки нарастали, собираясь из разрозненных обрывков во что-то узнаваемое. Скрежет металла. Чей-то истошный крик. Истерический женский визг, сорвавшийся в захлёбывающийся плач. Надрывное щёлканье и жуткий смех, больше похожий на хриплый лай.

Андрей застонал и, с трудом открыв глаза, обнаружил себя на холодном металлическом полу в неестественной, ломаной позе. Он лежал на боку, скрючившись в тесной клетке. Тело ломило от боли, будто в этот стальной ящик его забивали ногами.

«О-о-о… Господи…» — корчась от боли, он приподнялся и сел, растирая деревянную поясницу — «Вот это поворот!»

Новые ощущения заявили о себе грубо и властно. На змеиной базе, внутри энергетического аквариума, у него ничего не болело. Разве что разум медленно плавился от изоляции, но то был кошмар совсем иного порядка.

Вспомнив белое марево и гробовую тишину, Андрей поёжился.

Всё же там он не знал ни голода, ни жажды, будто лишившись веса и самой плоти. Здесь всё поменялось. Вдобавок к страданиям избитого тела на него навалилась дикая усталость. До смерти хотелось спать, пересохшее горло горело от жажды, а попытка сглотнуть вязкую слюну превратилась в настоящую пытку.

В тусклом, рваном свете, то и дело менявшем яркость, решётчатые стенки нового каземата отливали холодным блеском. Клетка! Самая обычная! Не веря тому, что видел, Андрей трогал решётки, хватался за прутья, судорожно тёр воспалённые глаза. Что за чертовщина?! Это был самый обычный вольер для крупных животных. Большой, крепкий, но совершенно обычный. Даже в его родном «Норде» была пара зоомагазинов, продававших похожие. По коже побежали ледяные мурашки.

«Во дела...» — Андрей осмотрелся.

После мегалитических залов обиталища змея-садиста Килы новое место заточения показалось ему крошечным и ощущалось душным железным мешком. Впереди, на серой металлической стенке, угадывался здоровенный круглый люк.

«Тот самый?» — Андрей узнал шлюз, который распахнула чёрная сигара, когда он в полузабытье покидал притаившееся на астероиде змеиное логово. — «Похоже на то...»

То тут, то там в беспорядочном нагромождении было ещё несколько таких же собачьих вольеров с людьми. Вместе с Андреем новый плен делили четверо. Все они уже были ему знакомы. Вон та женщина в вечернем платье. Её единственная туфля всё ещё была при ней. Она сидела в луже собственной мочи и беззвучно рыдала, закрыв лицо руками. В углу, в разномастной куче грязного тряпья, обуви и каких-то вещей, валялся тот мёртвый толстый парнишка со сломанной шеей в ростовом костюме шоколадного пончика. Привилегии иметь свой персональный курятник он был резонно лишён. Старик в строгой чёрной тройке и круглых очках молча сидел, сжавшись в комок, и загнанным зверем озирался по сторонам. Высокий, худой мужчина в рясе стоял на коленях. Нянча в руках небольшое распятие, висевшее на цепочке у него на шее, он что-то бормотал себе под нос, прикрыв глаза. То ли молился, то ли шептал свою последнюю исповедь.

Сзади доносились щёлканье, свист и приглушённые чавкающие звуки. Аккуратно, стараясь не шуметь и забывая дышать, Андрей развернулся. Теперь он видел, что отсек сигарообразного корабля, где он в компании таких же обречённых ютился в едва ли метровой клетушке, имел форму вытянутого октагона длиной около тридцати метров. Там, в противоположном конце помещения находился источник нестабильного света и свистящей трескотни. Им оказалась гигантская панель экрана, занимавшая значительную часть стены. На ней буднично, так по-домашнему шла с виду обычная земная телевизионная трансляция. Вот только звук… Человеческая речь и то, в чём угадывались закадровые комментарии, перекрывались клацающим, щёлкающим и шипящим языком. Это точно не наше, совсем не земное. Таких наречий он в жизни не слышал.

Что же касается чавканья… Андрей мог бы удивиться сильнее, если бы сейчас у него оставались на это хоть какие-то силы.

Прямо перед панелью экрана, спиной к пленникам, на торчащей из пола металлической скамье-диване сидело нечто. Андрей видел часть широкой спины и мощные плечи, облачённые в тонкий серебристый скафандр. Над ними возвышалась длинная, поблёскивающая чернильной чешуёй шея. Венчал её высокий бугристый затылок. Орудуя лапами и смачно чавкая, тварь что-то жадно жрала, глядя на экран. Периодически существо издавало одобрительное свистящее щёлканье и мерзкий тявкающий смех.

Закончив тошнотворную трапезу, тварь громко, совсем по-человечески вздохнула и поднялась. Роста в ней было далеко за два метра. Плотные когтистые лапы оставались чуть согнутыми в локтях. Мощные ноги, обтянутые короткими штанами скафандра, пугали выгнутыми назад коленями и больше всего напоминали птичьи. Каждая из них тяжело упиралась в пол тремя мощными пальцами с огромными когтями и костяной шпорой на пятке. Длинный, узкий хвост торчал из скафандра сзади иссиня-чёрной хищной змеёй. Он непрерывно двигался, раскачиваясь из стороны в сторону, словно тяжелый живой жгут. Тварь медленно развернулась. Её… нет, лицом это назвать точно не повернулся бы язык. На рептильной, крокодильей морде с огромной зубастой пастью, уголки которой были издевательски задраны кверху, застыла вечная улыбка. Да, плачущую в луже собственной мочи даму, теперь можно было понять в полной мере.

«Тю-тю, Андрюша, приплыли!» — не в силах оторвать от рептилии намертво прилипший взгляд, подытожил старший продавец электроники.

Тварь окинула пленников немигающим взглядом жёлтых, чуть выпученных глаз, сверху вниз рассечённых вертикальными зрачками. Широко распахнув вонючую пасть, она издала до дрожи пробирающий рёв. Затем в три длинных, размашистых прыжка подлетела к оцепеневшим людям и, резко крутанувшись боком, хлестнула по вольерам хвостом с такой силой, что все они пришли в движение. Решетка загона, где сидел пожилой мужчина в солидном костюме, приняла на себя основной удар и глубоко прогнулась внутрь. Взвизгнув, малахольная дама в платье опять хлопнулась в обморок. Старик, в ужасе отпрянувший в противоположный угол, в момент сокрушительного толчка разбил о сетку левую часть лица и теперь держался за сердце, судорожно хватая ртом воздух. Пастор зажмурился и уже в голос истошно молился. С его пальцев, до белизны в суставах сжавших распятие на груди, сочилась и падала на холодный пол бурыми каплями кровь. Андрей, упёршись руками и ногами в стенки клетушки, ожидал следующей атаки. По отсеку пополз удушливый запах человеческих фекалий. То ли вера священника на поверку оказалась не так крепка, как полагалось по сану, то ли у деда в костюме-тройке прихватило не только сердце, но и живот.

Рептилия задрала уродливую башку и зашлась глухим, гавкающим хохотом. Шевеля бездонными провалами ноздрей, она принюхалась и развеселилась настолько, что когтистые верхние лапы схватились за живот, а одна из нижних забарабанила по полу.

Насмеявшись вдоволь, звонко цокая когтями о пол, рептилия подошла к куче тряпья, где лежал труп в костюме пончика. Прихватив его за ногу, она направилась назад к экрану, таща тело бедолаги следом. Подойдя к дальней стене отсека, существо громко скомандовало что-то в своей свистяще-щёлкающей манере. Справа от панели монитора часть переборки откатилась в сторону, образовав широкий проход в соседнее помещение корабля, залитое ярким светом. Когда тварь уже скрылась в проёме, Андрей невольно встретился взглядом с мёртвым парнишкой, которого она всё так же волокла за собой. В широко раскрытых стеклянных глазах пончика навсегда застыли ужас и отчаяние.

Проём в ярко освещённый отсек, где скрылся мерзкий ящер с мертвецом в ростовом костюме с оранжевой надписью Dunkin' Donuts, остался открытым. Там происходило жуткое оживление, от которого внутри всё леденело… Андрей готов был поклясться, что слышит, как брякают кастрюли, и, кажется, чешуйчатое отродье точило ножи, что-то насвистывая себе под нос.

Очень скоро воздух наполнился запахом крови и сырого мяса. Было слышно, как с хрустом выламываются суставы, как металл то и дело скребёт по кости.

Тем временем Андрей, который сейчас непроизвольно стучал зубами, отбивая ритм плохо сдерживаемого животного страха перед скорой и неизбежной смертью, лихорадочно осматривал, ощупывал и дёргал решётчатые стенки.

Никаких шансов. Сварная решётка из сантиметрового стального прута стояла монолитно. Андрей лихорадочно скользил ладонями по стыкам, пока пальцы не наткнулись на слабый люфт в углах. Дверь. Но замок держал её намертво, словно запечатанную мощным магнитным полем. Сцепив зубы, он вжался спиной в противоположную стенку клетки, согнул колени и с размаху впечатал обе ноги в запертую створку. Тело превратилось в одно сплошное усилие, в биологический домкрат. Он давил отчаянно, задыхаясь, пока перед глазами не поплыли красные круги. Тщетно. Железо не шелохнулось, а правую ногу прошила сокрушительным ударом жгучая боль — жестокое напоминание о том, как неудачно он рухнул из прозрачного куба гравитационной ловушки в логове Килы.

Нет, так у него точно ничего не получится. Нужна была помощь. Лихорадочным взглядом Андрей рыскал по соседним клеткам. Женщина в платье дышала, но всё ещё лежала без чувств, спасаясь от происходящего кошмара в глубоком беспамятстве. Сейчас это было даже к лучшему. Святоша, стоя на коленях, закрыв глаза и намертво вцепившись в свой крест, впал в какой-то религиозный транс. Маятником он раскачивался из стороны в сторону и безостановочно что-то едва слышно бормотал. Слов Андрей разобрать не мог, как ни пытался. Дед в костюме явно вконец отчаялся. Он обмяк и полулежал, привалившись спиной к помятой тварью решётке. Безучастный взгляд его потухших глаз был устремлён на панель экрана, беспрестанно транслирующую чужое, инопланетное телевидение.

Картинка на мониторе манила привычной эстетикой, но Андрей обомлел, едва вгляделся в детали. Стрим. Обычный игровой стрим — но на месте цифровых аватаров были живые люди. Камера «из глаз» качалась в такт бегу: управляемый игроком смертник с остервенением кромсал ножом и расстреливал из потёртой «Беретты» прохожих в упор. Прямо посреди залитого летним солнцем городского центра. В углу послушно светилась плашка веб-камеры — классический земной интерфейс, транслирующий лицо геймера. Игрок захлёбывался свистом и быстрыми щелчками, живо комментируя происходящее. «Блогер» был из другого племени, нежели местный ящер. Из оверлея на Андрея смотрела огромная серая голова. Антрацитовые, миндалевидные глаза в пол-лица, клиновидный подбородок и узкая щель почти лишённого губ рта, скрывающая месиво игловидных зубов. Голливудский «зелёный человечек», обретший плоть, воплощённый в реальность в самом мрачном своем проявлении. Из динамиков то и дело доносился тонкий, писклявый смех — геймер искренне наслаждался. На экране в панике раз-

бегалась толпа, а сквозь ультразвуковой хохот твари едва пробивался далекий, безнадежный вой полицейских сирен.

— Эй, — негромко позвал Андрей, переводя взгляд с деда на пастора и обратно. — Псс... Эй!

Никакой реакции. Никто даже не шелохнулся. Андрей нашарил в кармане куртки разряженный телефон. Взвешивая на ладони бесполезный кусок пластмассы, он прикинул траекторию. В кого из этих двоих запустить этим «кирпичом», чтобы заставить их очнуться?

«Да к чёрту!» — по локоть просунув руку с мёртвым мобильником через решётку, он примерился, размахнулся и швырнул его в собачий зиндан пастора.

Бросок оказался удачным. Кувыркнувшись в воздухе, трубка чиркнула по прутьям, влетела в клетку и угодила священнику прямо в скулу. Крепкий удар со звонким шлепком! Резко дёрнув головой и нелепо пригнувшись, опешивший пастор схватился за челюсть и уставился на упавший под ноги телефон.

Медленно он перевёл взгляд на питчера из соседней решётчатой будки.

Через силу Андрей улыбнулся, вскинул руку и размашисто, нервно помахал ему.

— Помоги! — прошипел парень и здоровой ногой потыркал дверь клетки. Навалившись всем весом, он с силой надавил на угол, демонстрируя люфт - створка может поддаться.

Пастор растерянно смотрел на Андрея, на его манипуляции с дверью. То и дело он косился на открытый проём в соседний отсек, где хозяйничала улыбчивая рептилия. На лице — неуверенность и метания, он явно боялся.

Короткий, глухой хлопок ладони по решётке вернул внимание священника.

— Давай же! Решайся! — умоляюще прошептал Андрей. Он вскинул руку и судорожно постучал по запястью, показывая на несуществующие часы: думать некогда.

— Choroba! — с раздражением прошипел обладатель католической рясы. Он подался вперед и активно зажестикулировал, пытаясь что-то объяснить.

Он тыкал пальцем в сторону соседнего отсека, на себя, на Андрея. Потом, очертив ладонью все их клетки, красноречиво резанул пальцем по собственному горлу и безнадежно развел руками.

— И что?! — Андрей резко вскинул плечи, зло глядя на соседа. Какая к чёрту разница? Можно подумать, если они будут смирно сидеть в этих собачьих будках, их ждет путевка в санаторий.

Верно, конечно… Ухудшить их участь едва ли возможно. Но приблизить ужасный финал — секундное дело. Если сейчас хвостатая мразь случайно выглянет из проёма и увидит их потуги сбежать из курятника, что тогда? Прыжок, хруст — и умная голова пастора, которая, может быть, даже знает латынь, катится по холодному полу. Какой католику с этого прок?

Страх победил. Священник поднял телефон парня, лежавший у ног, и резко катнул его по полу к клетке Андрея. Усевшись на колени, он снова сложил руки молитвенной лодочкой и, закрыв глаза, начал молиться, беззвучно шевеля губами.

«Клинический случай», — Андрей махнул рукой и вдруг почувствовал запах.

Жарилось мясо. Плотный, аппетитный аромат наполнил отсек, назойливо забиваясь в ноздри. Андрей взглянул на залитый светом проём. Голод сработал быстрее разума — в животе заурчало. В тот же миг тело пробила судорога — он с трудом сдержал подкативший к горлу рвотный позыв.

В мыслях Андрея всплыло лицо парня-пончика, его стеклянный, устремленный в никуда взгляд.

Пастор снова принялся раскачиваться вперёд-назад. Беззвучное чтение молитв сменило отчаянное бормотание.

Панический бубнёж пастора нарушил сочный щелчок. Это был дед! Тот самый, в когда-то шикарном костюме, на которого Андрей уже и не ставил. Выбросив руку вперед, он подзывал парня.

— I got you! I'll help you! — выплюнул старик на чистом английском.

Встретившись взглядом с Андреем, он сдернул пиджак. Американец перехватил его за рукава и прямо в воздухе лихорадочно скрутил дорогую ткань в плотный жгут.

Получилось что-то навроде каната. Старик взглянул на парня и жестами показал, как с усилием тянет верёвку. Тот понял задумку и закивал. Дед просунул скрученный пиджак сквозь решётку и бросил один конец в сторону клетки соседа, удерживая второй в руке.

Длины не хватало. Конец жгута едва доставал до прутьев. Андрей сорвал с себя куртку. Оставшись в футболке, он за секунды превратил плотную ткань в продолжение верёвки. У самого пола, сдирая кожу о решётку, вытянул руки наружу и связал оба троса встречным узлом. Тканевый замок сильно убавил длину, но оставшегося хвоста должно было хватить с лихвой.

Секунда на фиксацию: Андрей захлестнул рукав куртки вокруг углового прута люфтящей дверцы. Сделал узел и намертво затянул. Старик на том конце намотал ткань пиджака на кулак, упёрся туфлями в основание решётки. Канат выпрямился, напрягся. Упёршись лопатками в холодные прутья вольера, Андрей со всей дури всадил обе подошвы в нижний край проклятой двери. Тканевый тяж рванул, натянулся струной. Дед, багровея лицом и хрипя сквозь зубы, тянул на себя тряпичный канат с яростью обречённого каторжника. Магнит держал, замок не поддавался. Импровизированный канат трещал по швам, то тут то там звонко лопались нитки. Связующий узел со скрипом затягивался всё туже.

Пастор наконец замолк, разом прекратив и бормотать, и раскачиваться. Он замер, настороженно и нервно наблюдая за происходящим.

Замок тонко завыл от напряжения. Тряпичный канат противно скрипел узлом по металлу прутьев. Хватка запирающих механизмов не ослабевала ни на миллиметр.

Обморочная дама пришла в себя. Держась за решётки клетки, она то удивлённо принюхивалась, то выпученными глазами смотрела на скрипящую струну каната, то обводила взглядом всех пленников поочерёдно и косилась на открытый проём в соседний отсек корабля.

— Ei, ei! — едва слышно шептала она одними губами и мелко трясла головой из стороны в сторону.

Лодыжку Андрея обожгла острая вспышка боли, перед глазами поплыли кровавые круги.

Внезапный тяжёлый удар гулким стальным эхом сотряс стены. Корабль ощутимо тряхнуло. От неожиданности старик выпустил пиджачный канат, на его кулаке светились ссадины и кровоподтёки. Тканевый тяж, спружинив, с хлёстким стуком ударился о прутья клетки Андрея и безжизненно шлёпнулся на пол. Звук шёл из шлюзового отсека, прямо из массивного круглого люка на ближней стене. Стыковка?

Из яркого зева проёма, мерно покачивая массивным хвостом, показалась рептилия. Разом разучившись дышать, пленники замерли. Тварь лениво двинулась к шлюзу. На её чернильной чешуе скользили синюшные отсветы экрана, где человеческая марионетка злобного инопланетного стримера как раз вела ожесточённую перестрелку с полицией.

Проходя мимо человеческого курятника, ящер замер. Его ледяной взгляд зацепился за лежащий на полу канат, привязанный к решётке. Жёлтые глаза вспыхнули злобой. Ноздри космического хищника резко расширились. Тихий свистящий вдох заставил затрепетать мелкие чешуйки на его улыбчивой морде. Играя желваками на массивных скулах широкой пасти, хвостатая мразь скрипела зубами. Выдав клокочущую тираду на своем щёлкающем языке, тварь яростно зашипела. В один шаг она оказалась рядом. С размаху крутанув длинным хвостом, рептилия обрушилась на клетку Андрея. От чудовищного удара вольер сорвался с места и, кувыркаясь по отсеку, с грохотом полетел в угол.

Парня резко швырнуло на прутья. Стремительное путешествие помятой клетки оборвалось в куче грязного тряпья у стены.

Ящеру уже не было до него дела. Самодовольно пролаяв отрывистый смешок, он вальяжно двинулся дальше. У самого шлюза рептилоид бросил в пространство резкую команду и замер. Чеканной очередью свистящих щелчков ему тут же ответил бездушный синтезированный голос бортовой системы. Тварь рявкнула снова. Диск шлюза вздрогнул. Круглое стальное зеркало треснуло от центра к краям, поделившись на симметричные клинья лепестков. Стены отозвались натужным механическим гулом. Из зазоров затвора с шипением вырвался воздух, выравнивая давление.

Массивные заходящие друг за друга лепестки диафрагмы плавно скользнули по скрытым пазам. Словно раскрывающийся зрачок гигантского объектива, стальные сегменты стремительно прятались внутрь обшивки, ловя холодные отблески экрана, транслирующего больное телевидение пришельцев.

В распахнутом зеве шлюза замерли трое. Трехметровый ящер, близнец местного гостеприимного хозяина, и двое Серых — глазастые субтильные карлики с огромными головами. Явно родня того стримера-садиста. Их мелкие безгубые рты надрывно растянулись в тошнотворных улыбках, обнажая частокол жёлтых игловидных зубов.

Ящер-хозяин гыкнул, прощёлкал приветствие и показал на людей, сидящих по клеткам. Один из мелких серых ублюдков бодро хлопнул в тощие ладоши, плотоядно потирая их, и что-то тонко прокашлял. Все четверо взахлёб засмеялись. Рептилии заливались громким отрывистым лаем. Вместо хохота из узких глоток глазастых недомерков вырвался синхронный сухой клёкот, будто внутри их черепов с хрустом ломались и перемалывались мелкие птичьи кости.

Троица вышла из шлюза, он плавно закрылся. Встреча пришельцев напоминала воссоединение старых друзей. Радушный хозяин вёл свою банду к лавке-дивану. Шагая мимо вольеров, один из субтильных молниеносным движением сунул худую ручонку в клетку женщины в платье и схватил её за волосы. Она громко закричала. Ублюдочный недомерок остервенело дёргал прихваченную прядь, захлёбываясь невыносимым клёкочущим хрустким смехом. Женщина билась лицом о решётку, оно на глазах становилось пунцовым, покрывалось ссадинами и сочилось кровью.

Стены отсека дрожали от хохота тварей. Рептилоиды на пару поджимали вечно согнутые в локтях верхние лапы к своим вздымающимся животам. Один из них повалился на пол и катался по нему, неистово лая, словно больная собака. Второй Серый согнулся пополам. Он буквально орал, содрогаясь в конвульсиях экстатического восторга. Большая лысая голова ходила ходуном на тонкой шее. Огромные чёрные антрациты глаз бешено пульсировали, наливаясь зловещей глянцевой темнотой. Мразь исступлённо колотила себя костлявыми ладонями по бёдрам. Из её рта вместе со свистящим, почти ультразвуковым визгом летели брызги липкой белой слюны. Этот ор вибрировал в воздухе, заставляя кровь в человеческих жилах закипать от ужаса.

Андрей, пастор, престарелый американец в костюме — все трое молча смотрели, замерев в оцепенении. Что можно было поделать? Чем ей помочь? Как вмешаться в этот ад? Ни оружия, ни сил, ни шансов — только запертые клетки и глухое, скотское бессилие.

Вырванный с кожей клок волос несчастной болтался в костлявой серой руке. На пол отсека тяжело падали крупные капли крови. Коротышка намотал прядь на кулак. Прижав её к плоской морде, он жадно, со свистом втянул воздух сквозь узкие прорези ноздрей. Глаза твари блаженно прикрылись полупрозрачной плёнкой третьих век. С этим сиплым вдохом узкая грудная клетка неестественно раздулась, натянув серебристую оболочку скафандра на рёбрах. Он замер на несколько секунд, смакуя похищенный аромат, словно сомелье, дегустирующий дорогое вино. Сладковатый запах человеческой крови, застывший в прядях пот и остатки средств для теперь уже канувшей в Лету вечерней укладки заставили недомерка мелко

задрожать от животного экстаза. Когда он наконец медленно выдохнул, из приоткрытого рта вырвался тихий свист, а на тонких губах запузырилась пена.

Остальные пришельцы встретили этот парфюмерный кошмар одобрительным улюлюканьем. Наконец шобла садистов успокоилась и, переговариваясь, направилась к дивану. Ящер-хозяин деловито скрылся в соседнем отсеке, а троица гостей расселась перед экраном.

Женщина в платье сидела, прижавшись к решётчатой стенке спиной. Её руки безвольно лежали. Одна на колене, поверх свежих ссадин, кверху ладонью, вторая опущена на пол. Лицо было напрочь разбито. На этом кровавом пятне светились широко открытые глаза. Она тихо стонала и всхлипывала.

Кто-то из компании нелюдей привычным для любого человека движением вертел в руках пульт и клацал каналы. Ублюдки о чём-то оживлённо болтали, шутили и смеялись.

Андрей провалился в глубокий апатичный ступор. Мысли заклинило. Он то безумно озирался, то замирал, уставившись в пустоту прямо перед собой, то подолгу, не мигая сверлил взглядом пол под ногами.

Его помятую клетку перекосило. Она криво стояла на куче разворошённых при падении человеческих тряпок. Вдруг он заметил под решеткой цветную рекламную листовку. Ему подумалось, что более подходящего времени изучить этот мусор может уже не представиться. Что если он упустит какое-нибудь по-настоящему выгодное предложение? Эта мысль вызвала мгновенный отклик где-то в глубине сознания — его внутренний голос язвительно поддакнул, и они оба, в полном единодушии, мысленно расхохотались.

Подцепив флаер, Андрей стал его рассматривать. Кричащие цвета были знакомы, рекламка принадлежала тому парнишке, что сломал шею ещё на базе змеёныша Килы. Они веером были разбросаны там, вокруг его тела, на месте отключенного куба. Бумага всё ещё хранила запах дешёвой типографской краски.

Цветастый, жизнерадостный буклет Dunkin' Donuts на английском языке. С картинки на него смотрел добродушный заспанный кондитер, бережно прижимающий к груди коробку с выпечкой. Крупный, вызывающе неоновый слоган «Time to make the donuts» («Пора делать пончики») шел прямо по центру, контрастируя с грязными потеками на бумаге. Судя по мутор-ным запахам запечённого мяса, витавшим в отсеке, пончик уже был «сделан»…

Андрей перевернул глянцевую бумажку. На обратной стороне, среди скучных колонок с условиями акции, его взгляд зацепился за самый низ листа. Там, почти сливаясь с грязным краем, притаился набранный микроскопическим, едва различимым шрифтом знак копирайта: « 1984 Dunkin' Donuts Inc.».

«Ого… это сколько же ты там пробыл…» — Андрей крутил цифры в непослушной голове и до него наконец дошло, что парнишка болтался в энергетическом кубе как минимум сорок один год! Его ступор стал полным. В мыслях мёртвым грузом повис вопрос без ответа — «А я?..».

Вспомнились лица родителей, девушки Гали… От мысли, что все они, возможно, давно уже умерли, сдавило в груди, сердце сжалось. Какое-то время он сидел в полном оцепенении. Потом стал рассматривать пленников одного за другим, пытаясь угадать по одежде и лицам, кто из какого столетья. Злая надежда с издёвкой шептала, что, может быть, он ещё сможет догнать своё время…

Пастор камнем застыл на коленях. Он снова молился — беззвучно, шевеля лишь губами, крепко сжимая распятие. О чём он сейчас просит Бога? Поможет ли, убережёт ли молитва? Кто знает…

«Говорят, всё может быть, а до обеда — два раза», — рассуждал продавец электроники, а внутренний голос вторил ему: «Да, да! До обеда осталось недолго!»

Внимание Андрея привлёк едва слышный пластмассовый щелчок.

Это американский пенсионер выудил из кармана жилетки жёлтый пузырёк с маленькими белыми таблетками и открыл его с тихим «кх-клик». Он методично высыпал их прямо в рот. Жевал, давился, судорожно глотал. Его лицо перекосило от горечи.

Андрей хотел было дёрнуться, что-то сказать… Но осадил себя. Зачем? Быть может, дед прав и так действительно лучше? Он кинул взгляд на женщину в платье. Та всё так же сидела в полной прострации. В спутанных волосах — запёкшаяся кровь. Глаз почти не было видно: лицо сильно распухло от жестокого и бессмысленного избиения.

Наконец вернулся ящер-хозяин. Он вразвалочку, с самодовольным видом шёл к лавке, где заждалась компания мерзких друзей. Следуя за ним из проёма и плавно паря над полом, летел большой прямоугольный серебристый блок. Это был стол, и он был накрыт. На нём, обложенный какими-то сизыми водорослями, лежал на спине несчастный парнишка-раздатчик листовок про пончики. Его руки, отсечённые по локоть, нелепо торчали кверху, ноги были поджаты к груди, а живот раздут как барабан. Бедолагу нафаршировали и запекли целиком, словно праздничную индейку.

— П…дец… — едва слышно прошептал наблюдавший эту картину Андрей.

Дед таки отравился своими таблетками. Обмякнув всем телом, он лежал на спине, прислонив голову к решетчатой стене. Тихонько кряхтел, его тело пробивали слабые конвульсии. Взгляд угасающих глаз был прикован к запечённому парню, к компании братьев по разуму, жадно засовывающим оторванные от него куски плоти в свои уродливые, голодные пасти. Изо рта старика густо сочилась пена.

Упомянутый Андреем «п…дец» становился всеобъемлющим и безальтернативным.

Глава 5

Химия и удача.

Финал жуткой трапезы Андрей встретил с закрытыми глазами, но от омерзительных звуков было не спрятаться. Наконец чавканье затихло, сменившись утробным рыком и хрустом хрящей на обгладываемых костях.

«Вот и всё. Кончился пончик…» — схватившись за прутья перекошенной клетки, Андрей машинально сжался в комок. Внутри всё застыло. Кто следующий? Что будет дальше? Его взгляд исподлобья был прикован к хищной компании.

Какое-то время твари лениво болтали. Их смех резал слух какофонией отвратительных звуков. Парящий над полом стол по команде рептилии отправился восвояси, гремя грудой костей несчастного. Мокрым грязным шлейфом по полу за ним волочился широкий рваный лоскут обгорелой кожи парнишки.

То, что началось дальше… Это чистое, незамутнённое безумие!

Серый пришелец выудил из кармана скафандра матовую коробочку, плотно забитую фиолетовыми капсулами. Четыре из них он вытряхнул на ладонь и заговорщически кивнул своим кровожадным дружкам. Свора пришла в дикий восторг. Пилюли мгновенно смели из длиннопалой костлявой серой ручонки. Сожрав по одной, повышая голос и перекрикивая друг друга, ублюдки явно строили планы на продолжение банкета.

Ящер-хозяин протяжно завыл, задрав морду. Вертикальные зрачки его глаз заметно увеличились и округлились. Один из серых, обезумев, кричал и тыкал пальцем в сторону женщины в платье. Та безучастно сидела, уставившись в пустоту. Его серый приятель хлопал в ладоши, согласно кивая. Второй рептилоид вскочил и, оглушительно лая, дал дикий круг, на четвереньках гепардом скача по отсеку. Ошалелый вираж пролегал не только по полу, но и по стенке. Со скрежетом тормозя когтями по полу, он финишировал, врезавшись в вольер пленницы. Клетка сильно качнулась, сдвинулась с места. Девушка взвизгнула, начала рыдать. Ублюдки гоготали и улюлюкали. Серые тоже стремительно ринулись к ней. Извергая почти ультразвуковой клекот, они вцепились в прутья с разных сторон и остервенело трясли и раскачивали загон. Девушка кричала, рыдала. Вскочив на лавку перед панелью экрана, опершись на спинку, мотая башкой из стороны в сторону, ящер-хозяин продолжал истошно верещать. Казалось, этому ужасу не будет конца.

Опомнившись, Андрей обнаружил, что снова отчаянно пытается выдавить дверь своего решётчатого стойла.

Пастор тоже не выдержал мерзкого буйства жестокости. Просунув руку сквозь решётку, он пытался схватить ближайшего субтильного коротышку. Тот, заметив это движение, бескостной гадюкой бросился навстречу. Смазанной тенью пробил разделявшее их расстояние и вцепился зубами в предплечье. Священник отчаянно колотил его второй рукой по голове. Серый пришелец не унимался, упирался, тянул на себя, мелкий рот держал мёртвой хваткой. Жадно, громко глотая, он пил кровь святого отца. Остальные ублюдки ржали в экстазе. Всё длилось секунды. Тварь вгрызалась всё глубже. Католик кричал. Хрустнула кость. Недомерок резко дёрнул головой и окончательно разорвал плечевой сустав. Кровь брызнула на стены отсека, на людей и пришельцев, пульсирующая струя заливала пол. Андрей, не зная, что делать, не в силах помочь, кричал от отчаяния, снова и снова кидаясь на дверь своей клетки. Святой отец, бледнея, отпрянул, размахивая культёй. Он пытался зажать рану. Второй головастый прыжком подскочил к соплеменнику. Вместе они, как голодные гиены, остервенело вцепились в оторванную конечность и жадно, скуля и толкаясь, рвали зубами сырое мясо.

Раздался глухой удар. По отсеку плавно и хищно двинулась тень ящера-хозяина, спрыгнувшего с лавки. Цокая когтями по полу, в грациозной развалке он шёл прямо к клетке женщины в платье.

Силы иссякли. Андрей сполз на пол вольера. Глядя на творящийся вокруг кошмар, он больше не пытался бороться и просто ждал смерти.

Пастор затих. Потеряв сознание, он распластался на полу в кровавой луже. Рядом лежал чёрный пояс сутаны, которым он до последнего пытался перетянуть обрубок руки.

Ублюдочная какофония затихла. Вторая рептилия, кажется, галлюцинировала, утратив связь с происходящим в отсеке. Она непрерывно принюхивалась и крутилась на месте рядом с клеткой несчастной. Серые в молчаливом упоении грызли голые кости предплечья священника.

Палец хозяина банкета лег на замок вольера заложницы. Терминал пискнул, коротко мазнул по стенам красным светом, створка отъехала в сторону. Наклонившись, почти засунув голову в клетку, рептилия уставилась на пленницу. Злую рожу перекосило безумие. Несчастная тихо всхлипывала, смотря монстру в глаза и ожидая своей участи. Очень медленно и аккуратно ящер взял её за плечо. Минуту-другую он выжидал, смаковал её испуганный, загнанный взгляд, ловил каждый вздох. Чернильные чешуйки на крокодильей морде ходили ходуном. Клешня твари резко сжалась стальными тисками, пробив когтями платье и кожу. Узница вскрикнула. Рептилоид встряхнул её и потащил прочь из загона, в соседний отсек. Попутно он отвесил хвостом галлюцинировавшему собрату, крутившемуся на месте. Получив пощёчину, второй хвостатый мотнул головой, свистнул и, что-то щёлкая себе под нос, шатаясь, двинулся следом. Серые переглянулись, бросили кости. Синхронно они упали на четвереньки и, словно ящерицы, изгибаясь телами, пошлёпали за рептилиями и женщиной в платье. Пленница, которую гостеприимная мразь волочила за собой по полу, отчаянно извивалась и плакала, вцепившись в лапу. Процессия сумасшедших садистов и их обречённая жертва скрылись в открытом проёме.

«Какого чёрта?!» — Андрей растерянно оглядывал опустевший отсек, не понимая, почему он всё ещё жив. Сознание отказывалось это принимать. Он был уверен, что инопланетные мрази вот-вот искалечат и растерзают его.

«Ладно… Ладно...» — пока он один, нужно было действовать. В голове лихорадочно, обрывая друг друга, мысли бились в безумном хаосе, ища хоть какой-нибудь шанс на спасенье.

Что он мог сделать?! Клетка закрыта надёжно, да и открой он её каким-нибудь чудом — куда бежать? Напасть на этих чудовищ? Их четверо, он один. Они сильны. Он безоружен. Порвут на тряпки и немедленно сожрут! Попытаться с ходу освоить их технологии и саботировать, разбить к чёрту сигарообразный корабль? Какая чушь! Он не сумеет открыть ни одной двери в этом космическом филиале кромешного ада. А если и сможет? Всё та же смерть по итогу…

Андрей судорожно искал выход, а отсек заполняли жуткие звуки. Тяжёлые, плотные — казалось, их можно было потрогать.

Из залитого ярким светом соседнего помещения, куда твари уволокли женщину, доносилось ублюдочное, торжествующее рявканье пришельцев. Свистящий и щёлкающий смеющийся лай рептилий перекрывал сухой, механический клёкот серых недомерков и их высокий, пронзительный и восторженный визг. А под густым слоем этого садистского веселья, заставляя кровь стынуть в жилах, вибрировали её крики. Живые, полные первобытного, запредельного ужаса и боли, они постепенно переходили в хриплые, ломающиеся стоны.

О, это была настоящая пытка! Кошмарный, сводящий с ума сеанс чистого акустического ужаса. Истязание продолжалось, должно быть, часами. Долгими, медленными, бессмысленными и бесконечными. Эти звуки, ожидание скорой и неотвратимой смерти вытягивали остатки разума. Он остался последним и точно будет следующим! Андрей начал жалеть, что всё ещё жив.

Паническое безумие накатывало на него волна за волной. Припадки активности, когда он то толкал проклятую дверь, то бессмысленно дёргал за прутья, сменялись оцепенелой апатией, ожиданием конца. Его колотило, зубы сами собой выбивали бешеную чечетку.

Клетка после удара рептилии криво завалилась набок, глубоко зарывшись в гору тряпья. Грязное месиво из одежды, обуви, сумок и бог знает чего ещё — последняя память о пленниках, замученных, сожранных, растерзанных здесь ради забавы.

Повинуясь животному инстинкту выживания, Андрей начал ошалело шарить руками по этой неряшливой куче. Пальцы хватали пуговицы, рвали засаленную ткань чужих курток, нащупывали потемневшие ремни. Прямо под нижним прутом решётки ладонь наткнулась на знакомый угловатый кусок дешёвой пластмассы. Невероятно! Это же его старый друг — диктофон! Видимо, выпал, когда его без сознания грузили в отсек или запинывали в эту стальную коробку. Ободрившись немного, он продолжил искать. Может быть, есть хоть что-нибудь для спасенья? Нож? Пистолет? Что угодно… Сознанье кричало: «Пожалуйста, Боже!!!»

Руки с азартом взрывали нагромождение вещей. В глубине кучи, среди складок старого тяжелого пальто, пальцы нащупали массивный квадратный корпус из шершавого пластика. Ого! Что-то большое. Андрей вытянул находку из-под одежды. Старый моментальный фотоаппарат «Полароид». Чудом уцелевший артефакт из таких далёких теперь девяностых. Точно такой же был когда-то у его родителей. В семейном альбоме даже хранилось несколько снимков, где маленький Андрей запечатлён на новогоднем застолье.

Андрей аккуратно протиснул устройство через решётку погнутой клетки. Бережно открыл переднюю крышку вспышки, обнажив объектив — линзы целые! Судя по весу, кассета тоже на месте. Счётчик кадров?! Где он? Точно же был на таких аппаратах... Да вот же, сбоку! Что там? Осталось всего пара кадров. Работали бы ещё батарейки… Подумав немного, парень вытянул руку и сделал селфи. Устройство ожило! Щелчок, и с жужжанием выползла карточка снимка!

На квадрате глянцевой фотокарточки в белой картонной рамке стремительно проявлялось изображение. Вспышка сработала беспощадно, выхватив из полуммака мрачной утробы корабля рептилоида решётчатые стенки клетки и бледное лицо Андрея, располосованное чёрными тенями прутьев. Взъерошенные грязные волосы, запёкшаяся корка крови на лбу, разбитом о железо, плотно сжатые побелевшие губы. Под отёкшими красными глазами красовались серые круги. Со снимка смотрел смертельно уставший, постаревший, затравленный зверь, запертый в ожидании убоя.

«Мдаа… Красавчик, х…ли», — он аккуратно отложил в сторону «Полароид», убрал фотографию в задний карман джинсов и взял диктофон.

Трясущийся палец вдавил крошечную пластиковую клавишу. Экран вспыхнул, на дисплее замигал красный огонек записи. Ловя ртом воздух, Андрей прижал микрофон почти к самым губам.

Он говорил сбивчиво, хриплым, сорванным шёпотом, захлёбываясь словами и не узнавая собственного голоса. Под ужасные вопли садистов-пришельцев и несчастной девушки в платье он выложил всё: как очнулся, про эти собачьи клетки, историю деда, как тот пытался помочь и как добровольно предпочёл умереть, отравившись. Рассказал, как пастор лишился руки. Историю сорокалетнего мальчишки и то, с каким упоением твари сожрали его запечённое тело. Его шёпот кричал в микрофон, а месиво чудовищных звуков на фоне намертво впечатывалось в цифровую память диктофона неопровержимым свидетельством происходящего здесь кошмара.

Закончив рассказ и упрятав диктофон глубоко в карман, Андрей, сбивая ногти в кровь о намертво затянутые узлы, разобрал их общую с дедом верёвку. Какофония криков давила, била по нервам. Не в силах больше терпеть, парень выдрал из-под разорванной подкладки пуховика

комок наполнителя. Непослушные руки с остервенением забивали в уши мелкий гусиный пух давно пущенных на мясо птиц.

Забившись в самый угол, гипнотизируя открытый проход в глубины корабля, где пришельцы истязали несчастную жертву, старший продавец электроники забылся тревожным сном.

Изможденный страхом разум не нашел покоя. Балансирующее на грани безумия сознание затопило вязкое месиво кошмара. В сумбурном, лихорадочном потоке быстро сменяющих друг друга кадров перед его мысленным взором развернулась циничная, пугающая анатомия союза похитивших его тварей. Ему снилась угольно-чёрная пирамида, упирающаяся в ночное, пробиваемое частыми резкими всполохами молний небо. Звуки грома оглушали, рвали барабанные перепонки. Над мрачным колоссальным многогранником возвышался наг Кила, обвивая его вершину бесконечным змеиным хвостом. Его мощные руки были вскинуты к грозовым тучам. В них он держал за волосы вырванные с мясом человеческие головы — мужскую и женскую. Стенки пирамиды облепляли, словно гекконы, мириады головастых серых гуманоидов. Их копошащиеся костлявые тела сверкали серебром тонких скафандров при каждой вспышке молнии. Визжа ультразвуком, они бросали вниз фиолетовые капсулы и оторванные руки пастора. У основания пирамиды бесновалась бесконечная безумная толпа рептилий. От самого горизонта к подножью пентаэдра через лающее рептилоидное месиво ползла вереница белых «Газелей», гружённых кровавыми пончиками.

Андрей то ли бредил, то ли оголённым проводом, включённым в цепь, впитывал чужеродные ментальные эманации, вибрирующие женскими криками в обшивке этого проклятого корабля. Но теперь он понимал, почему пришельцы действуют вместе.

Высшей кастой, невидимыми Архитекторами этой системы были змеи-наги вроде Килы — хладнокровные генетики, создавшие теневой «Транзит» и запустившие конвейер по замене людей биокопиями ради сохранения тишины в скотском загоне под названием Земля.

Серые недомерки, устроившие бойню в отсеке, были лишь бездушными менеджерами и логистами этого великого мясного рынка. Они вели учёт «живого товара», таскали людей в Пояс Койпера и точно капризные дети ломали человеческий геном в своих стерильных лабораториях. А трёхметровые чешуйчатые рептилии, казавшиеся Андрею вершиной кошмара, в этой иерархии оказались лишь рабами — грубой исполнительной силой, мясниками и надсмотрщиками, которых Наги и Серые держали на коротком поводке. Единственной валютой и цепью для этих животных был фиолетовый допинг — те самые капсулы из матовых пеналов. Без них ящеры гнили заживо в парализующей ломке, а под их действием превращались в преданных, безумных псов, готовых рвать жилы ради новой дозы. Земля была просто огромной фермой, где Наги владели угодьями, Серые вели бухгалтерию, а ящеры рубили мясо.

Андрей очнулся от вязкого забытья мгновенно, словно от толчка. Удушливый полумрак отсека разбавляло лишь мёртвое свечение панели экрана на дальней стенке. Переборка в соседний отсек всё так же была открыта, но свет там теперь не горел. Андрей вынул пуховые беруши. Было тихо. Лишь робкий, едва различимый звук пробивался откуда-то издалека. Будто кто-то шлёпал по металлическому полу мокрыми босыми ногами.

Затаив дыхание, Андрей уставился в темноту открытого прохода. Шлепки приближались. В проёме показался силуэт человека, медленно двигающегося на четвереньках.

Это была она. Несчастная женщина выползла в отсек, гулко хлопая по полу ладонями. За ней тянулся тёмный, широкий, глянцевый в тусклом свете след. На ней не осталось одежды — лишь клочья ткани, намертво присохшие к багровым ссадинам, страшным кровоподтёкам и рваным ранам. Она не плакала и не звала на помощь. Её лицо, заплывшее от гематом, превратилось в застывшую, безжизненную маску. Ведомая первобытным, сломанным инстинктом, пленница тупо и упорно ползла к своей клетке. Кое-как втиснув избитое тело внутрь вольера, она из последних сил потянула на себя решётчатую дверь. С тихим электронным кликом замок

закрылся. Затем она села, обхватив руками колени, и начала ритмично раскачиваться из стороны в сторону в такт безумию, окончательно поглотившему её разум.

Андрей несколько раз звал женщину. Она не отвечала, начав со временем лишь тихонько заунывно подвывать.

В глубине адского звездолёта что-то зашевелилось. Щелчок — и резкая вспышка света ослепила Андрея. Люминесцентное сияние разом залило помещения сигарообразного корабля.

Проснувшиеся пришельцы неуверенно пробирались к стальному дивану перед панелью экрана. Наркотический угар сменился тупой, сонной заторможенностью.

Увидев ублюдков, их вчерашняя жертва резко замолчала и отвернулась к стене, всё так же монотонно раскачиваясь. Парень напрягся всем телом.

Какое-то время братья по разуму чуть слышно переговаривались. Ящер-хозяин ушёл и вернулся с парящим блоком-столом, на котором стояли четыре дымящихся высоких металлических стакана. В воздухе — Андрей готов был поклясться — витал запах свежесваренного кофе. Как уютно и так по-земному!

Андрей, замирая от каждого собственного вдоха, медленно вытащил из горы тряпья спрятанный под самой клеткой фотоаппарат. Сердце бешено колотилось. Пальцы намертво сжали шершавый корпус «Полароида». Ловя момент, пока пришельцы были увлечены передачей и сидели к нему спиной, прихлёбывая дымящееся пойло, он осторожно пристроил объектив в квадрате решётки. Цель поймана. Затаив дыхание, парень до упора вдавил спусковую кнопку. Тяжёлый затвор отозвался механическим «вжик». Нижний паз коробки выплюнул фотографию. На счастье Андрея, звуки ублюдочного космического телевидения заглушили жужжание аппарата. На экране с высокой громкостью шёл групповой стрим рептилий и серых из самого пекла какого-то земного военного столкновения. Люди, штурмуя посадку, стреляли друг в друга, кидали гранаты. Инопланетные игроки ликовали, кроша людей — случайных солдат, своих и чужих аватаров.

«Ха! Мрази! Попались!» — ликуя, Андрей испуганной тенью отпрянул от прутьев. Прижимая к груди пластиковый квадрат, он поспешно заталкивал «Полароид» обратно в груду одежды.

На поверхности карточки, прямо на глазах, из мутной химической эмульсии проступали зловещие, отчётливые силуэты чудовищ. В кадр удачно попали двое — серый и ящер-хозяин. Парень быстро спрятал снимок в карман.

А потом произошло нечто такое, чего продавец электроники из Петербурга никак не ожидал. Буднично, без лишнего шума. Ящер-хозяин встал и, лениво утерев пасть, подошёл к вольеру Андрея.

«Всё. Приплыли», — парень вмиг побледнел до состояния мела, сердце в груди замерло, перед глазами поплыли круги.

Хвостатый ткнул в решётку когтистой лапой, изрыгнув несколько коротких щёлков. Серые недомерки нехотя отвлеклись от экрана. Тонкий гортанный клёкот коротко рубанул по ушам, и один из серых вперил длинный палец в сторону клетки с пленницей. Ящер, мотая башкой, пролаял однозначное «нет» и теперь уже дважды похлопал чешуйчатой пятернёй по загону. Какое-то время пришельцы спорили, но в конце концов серые сдались. Один из них, изгибаясь всем костлявым телом, залез в глубокий складчатый карман своего комбинезона и выудил оттуда полупрозрачный полимерный контейнер. Внутри тускло поблёскивали те самые фиолетовые капсулы, которые вчера довели инопланетных ублюдков до исступлённого безумства. Увидев допинг, ящер облизнулся, весь подобрался. Ноздри хищно расширились, а жёлтые глаза голодно забегали. Трусцой подбежав к стальному дивану, он спешно выхватил бокс из длинных костлявых пальцев большеглазого гуманоида. Прикинув вес добычи, рептилоид

удовлетворённо хмыкнул и резким кивком головы подтвердил обмен. Судьба живого товара была решена.

«Вот оно как?! Снова обмен?» — Андрей ошалело моргал, оценив весь абсурд ситуации. — «Продан за пригоршню колёс. Замечательно…»

Недомерки направились к круглому шлюзу. Ящер-хозяин просвистел-прощёлкал несколько команд. Под потолком отсека что-то глухо загудело. Пленник не успел даже вскрикнуть, как его клетку окутала едва заметная, вибрирующая синевой дымка. Сила тяжести исчезла. Вольер плавно оторвался от пола вместе с человеческим грузом и беззвучно поплыл по воздуху вслед за серыми. Андрей упирался в решётку. Сзади слышался восторженный лай рептилий. Обернувшись, парень видел, как ящеры сожрали по капсуле и направились к вольеру женщины. Тяжёлая створка диафрагмы плавно разъехалась. Миновав несколько переходных отсеков, парень оказался на корабле новых хозяев. Металл за спиной сомкнулся с глухим хлопком. Клетка со стуком опустилась на пол в залитом ярким светом полусферическом зале.

Корабль серых встретил Андрея резким запахом стерильной операционной. Просторное, круглое помещение словно колпаком было накрыто высоким сводом сферического потолка.

Помещение, где теперь оказалась его клетка было просторным, круглым с высоким сферическим потолком. Поверхности стен и потолка были серого матового цвета. Справа и слева вдоль стен вытянулись высокие прозрачные колбы, заполненные густым бесцветным гелем. Внутри замерли человеческие тела. Андрей присмотрелся, и по спине побежал ледяной пот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.